

" КОГДА ВСЯ ТВОЯ **ЖИЗНЬ** - БЕСКОНЕЧНЫЙ **ПРАЗДНИК...**"

ТАМАДА

Исповедь **с** микрофоном



ДЕНИС **БАСАЦКИЙ**

 [basackiy_official](https://www.instagram.com/basackiy_official)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Басацкий

Тамада. Исповедь с микрофоном

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Басацкий Д.

Тамада. Исповедь с микрофоном / Д. Басацкий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9683-7

Здесь нет сборника конкурсов для корпоративных торжеств, инструкции по продвижению персонального бренда и советов, как сделать из бюджетной свадьбы событие года. Эта история - откровение из жизни ведущего мероприятий. Возможно, вашего соседа по парте или друга из фитнес-клуба, который совершенно запутался. Герой всеми силами желал добиться творческого успеха и признания, но, как выяснилось, жил абсолютно чужой жизнью. Стал изгоем в череде праздного веселья. В конечном итоге оказавшись перед выбором - продолжать игнорировать свои зависимости или попытаться сделать счастливой ту, что всегда находилась рядом. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9683-7

© Басацкий Д., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. У тебя осталось ровно 84 минуты, что ты сделаешь в первую очередь?	5
Глава 2. Аплодисменты, коньяки и прочие радости жизни.	7
Глава 3. Танец маленьких балеток.	10
Глава 4. Любовь и голуби, принесшие дурную весть.	13
Глава 5. Грустный рэп про телку.	17
Глава 6. Конкурсы с переодеванием и призами.	20
Глава 7. Поворот не туда.	26
Глава 8. Сон на нейтральной территории.	31
Глава 9. Сырники жалоб и предложений.	36
Глава 10. Залечь на дно в поселке «Снегири».	44
Глава 11. Ползунки розового цвета, заполненные наполовину.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1. У тебя осталось ровно 84 минуты, что ты сделаешь в первую очередь?

*Мне так одиноко. Волнуюсь за тебя, напиши. Скучаю.
(Копировать. Переслать. Удалить?)*

Майский погожий день. Еще несколько часов назад небо представлялось серым холстом с массивными черными тучами, раскинувшимися грязными кляксами там и тут. Колкая морось поздней весны осыпала подвластную ей территорию, заставляя содрогнуться от холода редких обитателей железнодорожной станции. Теперь же, с появлением первых солнечных лучей – мир словно переродился. Природа вознаградила окружающих ласковым теплом ветра, изгоняющего небесное уныние, куда-то вдаль, прочь от этих мест. Массивные тополя раскачивались в такт порывов, словно танцуют под аккомпанемент солирующего яркого солнечного света. Подхватывают музыкальную партию мелкая живность – стрекозы и кузнецы, ютившиеся ранее в своих домиках, а сейчас, шумно стрекоча, восхваляют перемены. Все живое в округе еще помнит суровую выюгу, нещадно орудовавшую здесь в середине зимы. Тогда, под тяжестью снежного покрова повалились несколько столетних сосен, к слову, являющиеся гордостью здешних мест. Монументальный отпечаток времени. Про березовую рощу и говорить не приходится – от несколько сотен молодых, крепких деревьев осталось максимум пара десятков. Местные повадились заготавливать дрова для печей и бань, хоть коим способом согреться и переждать месяцы жестоких морозов.

Вообще, терпеть и ждать – отличительная черта русского народа. Как плохо не случилось за вековую историю государства Российского, надежда всегда ютилась в сердцах простого люда. Никакие войны, революции и гонения неспособны сломить веру в светлое будущее. Завтра будет лучше, чем вчера. Подождем. Бог терпел и нам велел. Справимся. Но как показывает история, далеко не для всякого то будущее наступает в полном объеме. Советские пятилетки, нэпы, великие посты с одной стороны, да черные воронки и Гулаг с другой – лозунги власти для рабочих и крестьян. Мотивирующая агитация, лишь бы занять умы малообразованного населения от забастовок, голода и гражданских восстаний. Найти и главное объяснить великое предназначение там, где его нет.

Слаженный природный оркестр нарушается визгом электричек, снующих на огромной скорости по железному полотну. Приближение транспорта знаменуется суетливым гудком машиниста, отчего старушками овладевает паника. Бодрыми шагами, прорываясь сквозь толпу беснующихся, бывшие пенсионеры, а ныне мастера и кандидаты силового троеборья, берут штурмом еще нераскрывшиеся двери вагона – к заветным местам у окошка. Эхо Олимпиады – 80. Электричка с шумом закрывает двери, женский голос объявляет название следующей станции, и поезд устремляется дальше. Перрон пустеет, тоскливо ожидая появления новых пассажиров.

Около железнодорожной кассы – мужчина лет сорока в штанах галифе цвета хаки, холщовом плаще на завязках и резиновых сапогах до бедер, флиртует с работницей, зазывая последнюю выйти на улицу. На голове потертая от старости кепка эйси-диси, тисненая золотой нитью. Небольшой пивной живот закрывает черная футболка с принтом великого Курта Кобэйна. Типичный мужчинка, занимающийся охотой, рыболовством или профессиональным алкоголизмом. Рядом с ним блохастого вида дворняга доедает ветхую кость, тщательно срывая остатки с гладкой поверхности. Жадно вгрызаясь в те места, где раньше была плоть, лопухий не упускает и сантиметра, в надежде найти хоть сколько-нибудь питательных веществ. Отби-

ваясь от назойливых насекомых хриплым лаем и мотая мордой из стороны в сторону, животное продолжает свою трапезу, зажав добычу передними лапами.

Набив себе цену пятиминутными отказами, кассирша все-таки открывает дверь, высвобождая наружу свое необъятное тело из душного помещения. Деловито закурив красный мальборо, она продолжает ехидно смотреть в сторону кавалера, загадочно кривя пухлые губы и обнажая желтые коронки. Докурив до половины, женщина бросает окурок в сторону рельс, смачно выдыхая клубы дыма. Осмотревшись, она жестом предложила мужчине следовать за ней – в уютное кирпичное гнездышко. Мужичок усмехнулся, поправил подтяжки на штанах и радостно посвистывая, обошел постройку с дальней стороны. На прощание, плюнув на бетонные плиты, служившие основанием платформы, он захлопывает стальную дверь, поскрипывая ржавым засовом. Сельская романтика. До отправления оставалось десять счастливых минут.

Вдалеке железнодорожного массива, прямо посреди шпал, появился еле уловимый силуэт. Он стремительно приближался к станции со стороны поселка Кузьево Московской области, куда тремя минутами ранее отправилась электричка, забитая пассажирами до отказа. По мере приближения, безликая тень превращалась в вполне осязаемый профиль мужчины. Он, спотыкаясь и падая, бежал к станции, руками выписывая широкие амплитудные колебания. Будто потерпевший бедствие сигнализировал о помощи, а получив немой отказ – старался еще сильнее привлечь внимание. Его крик сдувал встречный ветер, заглушая информацию из открытого рта. Когда мужчина оказался на расстоянии пятидесяти метров, собака почувствовала тревожную опасность – от него доносился смердящий запах страха. Она злобно зарычала в сторону непрошеного гостя, скаля клыки и на время позабыв о собачьем обеде. Затем и вовсе завывала, что есть мочи. На шум выскочил хозяин – мужчина в черной футболке, но уже без кепки, позабытой на кровати в подсобке. Следом за ним появилась перепуганная кассирша со смазанной губной помадой, тщетно старавшаяся привести себя в потребный вид бумажной салфеткой.

К ним приближался человек в рваной одежде, измазанный придорожной жижей из грязи и мазута. На его лице, теле и руках виднелись следы борьбы, только с известным ему соперником. Ладони до локтей полностью заляпаны алой кровью, но открытых ран видно не было, что могло привести к выводу, что жертва не он. Мужчина взбирался на руках по ступенькам – вверх до начала платформы, откашливал попавший в горло избыток воздуха и полз в сторону кассы. Четвероногий перестал лаять, забился в пустую коробку и жалобно заскулил, наблюдая за происходящим из своего укрытия. Человек, продолжая движение ползком, охрипшим голосом повторял одни и те же слова, способные кого угодно повергнуть в леденящий ужас:

– Там в кустах, где большое дерево – труп. Я его видел. Звони дежурному. Нужно остановить этот б***ский поезд.

Глава 2. Аплодисменты, коньяки и прочие радости жизни.

Мы с тобой совсем позабыли главного, что счастье – быть другому частью. В глазах, поступках и делах. И никакие третьи лица не смогут нам противостоять. Друг другом ежедневно насладиться.

Пятью годами ранее.

Декабрь 2013го. Предновогодняя суэта захватила умы российских граждан, требуя больших финансовых вложений в подарочные мероприятия. Маркетологи сработали оперативно, взывая к покупателям через яркие витрины с надписями сэйл, даря купоны и подпитывая всеобщий праздный ажиотаж. Главнейший праздник в стране, после очередной инаугурации Владимира Владимировича. Цесаревич Дмитрий сложил свои полномочия в мае прошлого года, честно отработав подаренный жожаком срок. И теперь вопрос отцов и детей в рамках политического строя страны категорически снят с повестки дня. На главной площади города Хабаровска, аккуратно с вождем пролетариата, возвышается могущественная ель, украшенная гирляндами и разноцветными шарами. Детский смех сменяется восторженными криками более взрослых представителей человечества, только что опробовавших ледяную горку, залитую по особому распоряжению мэра. Страна погрузилась в эйфорию, позабыв на несколько дней о тягостях и лишениях текущего года, в надежде получить максимум благ от будущего. Хоть какая-то цепкая стабильность в России от Владивостока и до Калининграда.

Поток нескончаемого веселья не разделял, пожалуй, один единственный человек – двадцати пятилетний парень в черной классике на двух пуговицах, летних глянцевого тифлях и легком пуховичке без молнии. Шапку он оставил дома, наивно полагая, что лакированная прическа спасет от мороза в минус тридцать четыре. Крупные хлопья снега медленно спускались на его аккуратную бороду, кусая лицо белоснежными льдинками. В надежде сохранить тепло, парень бережно прижимал своды куртки к телу левой рукой, правой – дымил тлеющей тонкой сигаретой, зажатой между пальцами. Дурацкая привычка не покидала его, хоть и предпосылки бросить никотиновую заразу велись, в прочем, полный отказ от зависимости постоянно откладывался. Оттого и перешел на сигареты с меньшим поражающим эффектом, чем обманывал свое сознание.

Его зовут Иштван – русский мальчишка, родом из столицы Венгрии. Своим именем он обязан основателю венгерской монархии, Иштвану Святому Первому, наиболее почитаемой фигуре в истории государства. Его родители, русские дипломаты, отправились в советскую Европу по распределению, регулировать дипломатические отношения вокруг капиталистических государств. Когда мальчику исполнилось три года распад Советского Союза был неизбежен, временное правительство страны массово отзывало своих граждан из зарубежных командировок, а архитектурный Будапешт сменился промышленным Новосибирском, затем туманным Владивостоком и наконец, столицей Дальнего Востока, Хабаровском. Он гордился своей сопричастностью к европейской культуре, величая себя русским венгром, на деле – ничем не отличаясь от других, рожденных в 1988 году. Таких детей, делавших свои первые шаги вне пределов СССР, но имеющих штамп гражданина нашей страны, полно в Германии, Польше и Чехословакии.

По своей натуре, Иштван – человек довольно честный, нетерпимый ко всякого рода лицемерию. Резкий не любитель критики в свой адрес, от чего изрядно страдали его экстравертные

качества, побуждая впадать в тяжелую депрессию и мизантропические утопии. Талантливый, упертый, целеустремленный, но жутко ленивый – такую характеристику ему давали преподаватели университета, выдавая троичный диплом о высшем образовании. Набор антагонистов в личных качествах всегда выходил ему боком, как и склонность к резкому перегоранию. Желание отложить на потом, до лучших времен, даже невероятно гениальную идею, приводило к тому, что Иштван был на шаг позади своих конкурентов, однако всегда имел при себе большую армию почитателей. Даже свою профессию парень выбрал случайно, по просьбе друга, выступив на очень дешевом мероприятии в холле гостиницы. С тех пор его называют громким, но крайне обидным для него словом – тамада. Так начинался его путь к успеху, с первой рабочей предновогодки в ресторане, куда он продался на целых одиннадцать дней.

Сегодня день по-особенному хорош. Праздничный марафон близился к своему логическому завершению, предваряя последний рабочий корпоратив в старом году. Магическая дата тридцать первого декабря оповещала о скорейшем отдыхе и кругленькой сумме денежных знаков в кармане пиджака. Парень по-свойски перемещался сквозь залы ресторана, улыбаясь симпатичным официанткам, при этом соблюдая дистанцию, нарочито показывая свое превосходство. Я здесь работаю последний день и чертовски рад этому событию. Мысль, вызывающая такой важный задор перед началом мероприятия.

За музыкальное сопровождение, как и всегда, отвечал диджей по имени Сергей – тучный мужчина с длинными сальными волосами. Среди его явных талантов прослеживалось умение пить водку с горла, не используя сопутствующей утвари и так же ловко пьянеть, от чего его часто тянуло голосить в плохо отстроенный микрофон. В молодости он подавал серьезные надежды в музыкальной школе, пел баритоном и играл на саксофоне. Теперь же свой талант он искусно конвертировал в заказы – поздравления от посетителей. В целом, он был хорошим парнем, но без стержня и амбиций, медленно утопая в ресторанном болоте:

– Вчера заработал тысячу двести на поздравлениях – гордился Сергей, протягивая руку ведущему.

– Ты ушел, и наконец-то началось настоящее веселье. Я только Лепса целых два раза спел.

– Молодец, Билли. Сегодня я предоставлю тебе возможность повторить.

– Почему ты меня так называешь?

– Да ладно, ты не помнишь?

У ведущего заблестели глаза. Он любил подобного рода истории и с радостью делился ими, в том числе и с главными действующими лицами, позабывшими свои моменты триумфа.

– А я еще не верил рассказам, что если гуляет Сережа, то непременно выходит эпичным образом. Подключай аппаратуру, я освежу твою память.

Вчера Сергей был в ударе. На работу он пришел уже нарядным, со стойким выхлопом дешевого алкоголя. Закрывшись от посторонних глаз занавеской, отгораживающей диджейский пульт от основного зала, мужчина принялся настойчиво перебирать музыкальную базу. Значило сие действие только лишь одно – продолжение личного банкета с коньяком и мандаринами. Естественно, до начала основного мероприятия с гостями и программой. В его кутежной жизни хватало места для праздничных дат, но тридцатое декабря стояло особняком. Годовщина развода. В мире, пожалуй, не найдется человека более счастливого, чем Сергей, гулявшего в тот день. Никто не знал, чем так насолила его бывшая жена, да и была ли она вообще, но администрация ресторана за годы сотрудничества уже попривыкла. Вообще, Сергей был уникален в своей способности нарезать в щи, только лишь по понятному ему событию. Например, шестого апреля он отмечал день рождения ди-джея Грува, считая последнего своим творческим отцом. Пил так же рьяно, как на все свои прошлые дни рождения – без закуски и не чокаясь.

За час до старта мероприятия диджей попал в дзен, ловя энергетические волны вселенной, мелодично похрапывая за музыкальным микшером. Шеф повар Фарид, узбек из Казах-

стана, оттащил тело в подсобку, заботливо накрыв грязным после вчерашней смены халатом. В экстренном порядке нашли замену, студента местного кулька, любезно согласившегося встать за диджейский пульт. В разгар вечера, Сергей, опохмелившись пенным, решил во что-либо не стало спасти вечер, казавшийся ему слишком томным. Обхватив губами потертый мундштук, набирая воздуха полной грудью и прижав саксофон к груди, мужчина приступил к партии Кэнди Далфер из песни Лили была здесь. Поздравляющие в тот момент гостей дед мороз со снегурочкой опешили, резко оборвав стихотворную тираду, но, не выключившись из образа, поприветствовали неожиданного выступающего.

Опьянев от взглядов и количеством взятого на грудь, Сергей продолжил свой бенефис. Взобравшись на стол, ступая ботинками в салаты и люля, затянул грустнейшую – Я всегда буду любить тебя из фильма телохранитель. В зал выбежал испуганный администратор, хватая его за руку и пытаясь стащить музыканта вниз. Диджей, с силой отмахнулся, но, не рассчитав баланс своего тела, спикировал со стола прямиков на даму бальзаковского возраста, угодив в плен между ее массивных бедер. Звенящая тишина сменилась громогласным хохотом. С легкой руки ведущего образовавшуюся пару окрестили Клинтон и Моника Левински, а зачинщика сего пируэта и вовсе сорок вторым президентом, сменив позже на менее эффектное, но более точное – Билли.

Сергею история явно пришлась не по душе. Буркнув себе под нос очередное – у самого то имя черти что, включил праздничные фанфары, выкручивая звук на предельно высокую громкость. Старые колонки загудели, истошно хрипя децибелами, заставляя гостей подпрыгнуть от неожиданности. Стартовал последний рабочий день.

Глава 3. Танец маленьких балеток.

Скованных движений танца паника. Неловкость восприятия – раньше в одной постели спали, сейчас запрещено тебя даже нормально взять за руку. Ладони мокрые, вытираю. Между телами пионерское расстояние, на вытянутых, ей богу, как маленькие.

Структурно вечер ничем не отличался от предыдущих. За десять дней каждая фраза, предложение и интонация доведены ведущим до автоматизма таким образом, что Иштван еще не успевал подумать, как голос уже транслировал нужную информацию. Единственно, гостей стало чуть меньше по сравнению с прошлой пятницей, когда все два зала ломались от желающих познакомиться поближе с коллегами по работе. Вообще, корпоратив штука страшная по своей сути, что произойти может что угодно. Как бы спонтанно, нарушая всякий выверенный регламент. Тут и стриптиз коллеги, пропагандирующей ханжество и шовинизм в рабочие часы, и случайные поцелуи в кулуарах ресторана на глазах приехавших семейных половинок. И бесконечные разборки. Кто в компании главней, кто больше других работает, а какой отдел и не нужен вовсе. Ребячество. Часто дискуссии переходят в драки, иногда массовые. С причинением тяжких телесных и последующим увольнением.

Странно находится среди веселых, сильно пьяных и малознакомых тебе людей, да и еще держать градус мероприятия, совершенно в трезвом уме. Нет, Иштван не из тех, кто пьет по любому случаю, да еще и на работе, подвергая себя большому риску не справиться с ответственностью. Он, человек чрезвычайных правил, всегда переживал душой за свое дело. От того и пил, чтобы его внутренняя смелость вырвалась наружу, обострив природное обаяние и заряжающую улыбку. Сначала для искоренения страха сказать что-нибудь глупое, потеряв авторитет в глазах собеседника, теперь же – только лишь быть с гостями на одной волне. Да и скажите, кому может навредить бутылка шампанского за весь вечер?

Посмотрев на часы, подаренные по случаю победы в конкурсе актерского мастерства среди факультетов вуза, ведущий заметил особенность, прежде никогда не случавшейся в ресторане. Сегодня на работе нет ни одного начальника. Никого, кто раз за разом проверял его профессиональные возможности. Нет тех людей, кто хвалил за работу и радовался, что ежедневно гости уходили в восторге, скандируя имя ведущего. Категорически нет того, кто должен возместить самое дорогое и ценное, после аплодисментов и хвалебных отзывов. Сегодня день зарплаты. И нет ровным счетом никого, кто мог бы ее выдать. Сделав перерыв, в котором Сергей вызвался исполнить очередной музыкальный блок саксофона, обязавшись не пить до боя курантов, ведущий отправился на поиски правды. На баре скучающий администратор, девушка Динара, с пучком каштановых волос на голове, протирала стаканы рокс, выполняя прямые обязанности бармена. Его, как назло, тоже не оказалось.

– Муххамад сегодня будет? Девушка только виновато пожимала плечами, опустив глаза и не отрываясь от работы.

Главным в ресторане считался Муххамад – старший сын семейства Алымовых, поднявшихся на мелком строительстве и ремонте квартир в начале нулевых. Главной ударной силой их бизнеса на рубеже веков стали узбеки, незаконно перевезенные через границы России и как следствие, попадавшие в трудовое рабство. Тем, кто обладал талантом убеждения, доставалась роль прорабов, остальных же, униженных и поработанных, заставляли трудиться по восемнадцать часов в день. Бригадиром над прорабами и рабами был средний сын, Рустам – жесткий и хладнокровный, имевший свое личное направление в семейном бизнесе. Через бывших сослуживцев он организовал крупнейший, а после развала Союза, и международный героинный поток по маршруту Афганистан – Узбекистан – Казахстан – Россия. Великолепная

четверка, поставлявшая в те времена более шестидесяти четырех процентов всего наркотрафика Евразии.

Из Кабула, смертельный порошок в рисовых мешках доставлялся на север в провинцию Джаузджан, затем на паромах по реке Амударья пересекал границу с Узбекистаном. Далее с поддельными документами и новыми строительными бригадами по дорогам федерального значения груз попадал в Шымкент – крупнейший торговый, промышленный и культурный центр Казахстана. Свой нелегальный статус регион маскировал радушием и фирменным казахским – братан, служившим приветствием на любых ближайших границах. На заводе по производству шерстяных изделий (костюмов, пальто, курток) наркотик фасовался в деревянные ящики с маркировкой – карданные валы для автомобилей и тракторов, и, пополнив ряды несколькими тоннами чистой марихуаны, отправлялся в долгий путь на восток. На границе с Россией фуры опечатывались, как спец груз, и без особых проблем добирались до Барнаула, и как следствие, попадали в самое сердце Сибири, город Новосибирск. Оставалось самое простое. Через Транссибирскую магистраль отправить посылочки с кайфом в любой уголок России.

Две трети смертей от передозов и наркотического психоза в стране приходились по вине двух предприимчивых братьев. Не считая сотен нелегалов, погибших в долгой командировке. Остальные становились законченными наркоманами, готовыми на все ради спасительного укола. Бывало, что живые и мертвые вместе проводили месяцы в душном контейнере, ожидая конца маршрута. Трупы хоронили в общей канаве, без особых почестей и последних слов, цинично присыпав могилы двухметровым слоем чернозема. После нескольких крупных облав и множественных арестов фигурантов громкого дела, именуемого спецслужбами исламский кайф, братья ускользнули от глаз правоохранителей, затаившись на Дальнем Востоке. Инвестировав множественные финансовые возможности в крупный и средний бизнес, азербайджанцы окончательно утвердились в статусе примерных сыновей нашей Родины. А она, как говорится, там, где тепло вашей заднице. Пускай совсем и не заслужившей такого к себе отношения.

Младший, восемнадцатилетний Зафар, названный в честь победы в Великой Отечественной войне, не проявлял должного интереса к работе. Его вотчиной считалась барная стойка, где он появлялся, не так часто, чтобы стать лучшим работником месяца, все чаще перекладывая ответственность на менее именитых сотрудников. Все его мысли находились вдали ресторанного квадрата, на асфальтном покрытии в четырьеста два метра под рев мощных двигателей и запаха жженой резины. Но большее его влечение приходилось на азартные игры, ночные клубы, синтетические наркотики и женщин. Много женщин. По слухам, он попробовал всех более-менее красивых и худых девочек в диапазоне от шестнадцати и до тридцати одного. Типичный юный богачей, известный на весь город своими похождениями. Однако, не смотря на все свои финансовые возможности и специфическое родство, оставался вполне сносным парнем с чувством юмора и открытым сердцем.

Именно у таких, одиозных персонажей, Иштвану придется выбивать свои кровные. И на тот момент, сие действие не представлялось возможным. Окончательно не попасть в уныние отвлекла нежная женская рука, украдкой похлопавшая его по плечу. Обернувшись, он увидел Кристину, миниатюрную брюнетку с шикарной попой и выразительными карими глазами. Она подрабатывала танцовщицей бальных партий в заведениях города, мечтая открыть собственную студию танцев для ребятишек. Ее грация и особенная женская энергия восхищала ведущего, он всегда радовался ее приезду.

– Марк, как всегда, опаздывает. Я устала с ним бороться. Наверное, к следующему сезону буду искать нового партнера.

– Не страшно. Сейчас станцуеть сольно, затем два парных подряд. Если, конечно, он соизволит приехать.

– Будем надеяться.

– Будем.

Кристина явно находилась в расстроенных чувствах, но тщательно скрывая свое недовольство, отправилась в кулисы. Иштван за предновогодний марафон сотню раз объявлял ее танец, стараясь менять хвалебные эпитеты, чтобы совсем не заскучать. Быть интересным и не чопорным в глазах публики. Но все же, это были стандартные слова конферансье, без особой душевной подоплеки. Сегодня, он решил исправиться. Поддержать хрупкую девочку. Сказать от сердца. Да так, что никакой другой ведущий в жизни не говорил ей тех слов, что сорвались с губ.

– Для вас выступает, пожалуй, самая очаровательная девочка, с которой мне посчастливилось познакомиться. Будь моя воля, никому бы ее не отдал. Встречайте, моя любимая, Кристина.

Опешив, она удивленно смотрела на ведущего, явно не осознавая сказанного. В ее глазах читалось смущение, женская робость, наступающая в особых случаях, когда абсолютно незнакомый человек признается в чувствах. Первый раз в жизни она пропустила момент вступления, находясь в стойке на несколько секунд больше положенного, позабыв начальные движения. Шум аплодисментов заставил ее прийти в себя, и, скорректировав свой танец, она закружилась в балетной партии.

Глава 4. Любовь и голуби, принесшие дурную весть.

Нашел твой волос на подушке возле спинки кровати, хотя уже год, как ты не ходок в нашу спальню. Так странно. Никогда не замечал раньше. Такой тонкий кончик, почти незаметный для глаза. Оттенка русого. Прекрасный.

Ничего волшебней в своей жизни Иштван до сегодняшнего дня не видел. Танец профессиональной балерины в полумраке ресторанных столиков восхищал своей особенной грациозностью. Казалось, Кристина в один миг исчезнет, растворится во взглядах толпы, нежно кружась в объятиях музыкального потока. Он заметил на себе ее пронзительный взгляд между сменами танцевальных компонентов, но, получая ответный жест, быстро меняла композицию, смущенно отдаляясь в глубину сцены. Она благодарила его за сказанное, но не вслух, только лишь показывая всем своим естеством, как подобает настоящей леди.

Песня оборвалась. Гости вознаградили танцовщицу бурным потоком оваций, требуя немедленно выдать орден народной артистки страны, особо рьяные предлагали прямо сейчас отобрать все титулы Волочковой и бросить к ее ногам. Кристина поклонилась. На ее глазах выступили слезы. Да и многие в зале растрогались должным образом. Наступил момент полного единения между всеми участниками представления. Она хотела подойти к ведущему сразу после танца, но в дверях заметила Марка, своего партнера, высокого блондина с вечно недовольным лицом. Он ревниво наблюдал за происходящим, морща лоб и нервно жуя орбит. Поздоровавшись кивком головы, Марк направился в подсобку, служившей гримеркой для выступающих. Кристине ничего не оставалось, как проследовать за ним.

В зал принесли горячее, гости расселись по своим местам, обсуждая последние сплетни. Все шло своим чередом, пока ведущий не решился по своему обычаю, снова выйти на морозную улицу. Минздрав, конечно, предупреждает об опасности курения, но никак не освещает цепочку последствий, начинающихся с перекуров. В курилках, закрытых от посторонних глаз, ты можешь завязать полезные знакомства или узнать самое сокровенное, что никоем способом не услышать в других ситуациях. Так называемая никотиновая исповедь. Но в этот раз та встреча не сулила ведущему ничего хорошего.

Девушка стояла спиной к выходу, на ступеньках, мило общаясь с молодым человеком. Она могла полностью сменить гардероб, аромат духов, цвет волос, круг общения, но Иштван имел уникальную способность узнавать ее из миллионного потока женщин. Ее мимика и жестикация стали настолько родными, особыми, что, знакомясь с новой претенденткой на серьезные отношения, он невольно пытался отыскать те близкие его сердцу черты. Иштван любил разных женщин, но именно она смогла прочно поселиться в голове, не постеснявшись пронзить холодной сталью его плоть. Он любил ее невероятно сильно, насколько может любить мужчина женщину, оставившей его в самый тяжелый период. Прошло восемь месяцев, как они расстались. Поток воспоминаний захлестнул, мгновенно волоча тело по асфальту – обратно в период великой депрессии. Чувство беспомощности завладело сознанием, забрав самое нужное в такой ситуации. Иштван потерял самоконтроль, испугался, его виски пульсировали от внутренней ярости, перемешанной с чувством разочарования. Голос предательски пропал, ноги окутала слабость до такой силы, что пришлось схватиться за поручень. Он вновь стал жалким и беспомощным, словно в один миг потерявший смысл в жизни. И больше всего на свете он молил о том, чтобы она не повернулась.

Она повернулась. Ее волосы скользнули по плечу, оголив шею, хотя несколько прядей все же остались на ухе, застряв на сережке из белого золота с маленьким бриллиантом внутри. Поправляя прическу рукой, она улыбнулась. Казалось, нисколько не удивившись встрече, будто

ее визит планировался заранее, дабы окончательно испортить и без того скверное настроение. Пожалуй, она имела особую силу над чувствами ведущего, с помощью которой в любой момент могла заставить его врасплох. Особая энергия, выжигающая все живое внутри. Будто она, маленькая и хрупкая, в одночасье становилась грозным охотником с винтовкой Ремингтон, готовая, во что бы то ни стало принести очередной трофеей. Одним выстрелом убить глупенького, дрожащего от страха олененка. Иштван чувствовал себя именно тем самым оленем, не способным противостоять какой-то девке.

– Давно тебя не видела, похудел так.

Ее нарочитая улыбка вызывала бешенство. По телу пробежала дрожь, но уже не от страха – ярость полностью завладела сознанием. Он хотел кричать, что волновать его физическое состояние для нее неприемлемо, да и отправиться даме необходимо далеко отсюда, причем как можно быстрее. Пульс взлетел до состояния готовности накинуться, разорвать, уничтожить оппонента, в лучших традициях эмэма. Но, собрав последние крупинки мужского достоинства, выдавил из себя, как из тюбика пасты, несколько несвязных слов:

– Какого хрена ты тут делаешь?

Голос ведущего звучал грозно и устрашающе, насколько возможно себе вообще представить, словно маленькая дворовая собачка лаяла на проезжающий автомобиль, пытаясь укунить покрывку.

– Зачем ты так? Я всего лишь хотела узнать, как ты? По-дружески.

По-дружески. Только женский ум осмелится предложить мужчине дружбу после того, как он ее полюбил. Бросить, изменить, покалечить человека и взамен предложить дружеские переписки по случаю дня рождения. Вселенская, отвратительная, жалостливая глупость. Мужчина дружит с женщиной с надеждой вновь завоевать расположение, стать лидером и опорой. Женщина – с четким осознанием, что ничего более глупых обсуждений погоды, начальства и ее нового мудака не произойдет. Если мужчины с Марса, то женщины явно оттуда, где не признают логику и здравый смысл.

– У меня есть с кем дружить. Ты не входишь в список. До свидания.

На последнем предложении голос Иштвана предательски задрожал, обратившись в гнусавый фальцет.

– Как знаешь.

Девушка резко отвернулась, всем своим нутром выказывая неприязнь от сказанных слов в ее адрес. Попрощавшись с приятелем, она быстрым шагом отправилась в сторону остановки к припаркованным неподалеку такси.

– Тварь.

С обидой выдохнул Иштван, чувствуя накатывающуюся пустоту внутри себя. Он несколько минут стоял на промозглой улице совершенно один, провожая взглядом свою любовь. Свою ненависть. Свое отчаяние. Такси резко рвануло с места, оставляя за собой плотное облако выхлопа. Театральный занавес закрылся, оглашая окончание пьесы. Пришло время возвращаться обратно.

Проходя по коридору, разделяющий ресторан на основной и дополнительный зал, Иштван услышал крики. Кто-то эмоционально отчитывал собеседника, доказывая свою позицию. Разговор велся на азербайджанском. Твою мать, это точно руководство, обрадовался ведущий, стучась в комнату администрации. Дверь открыл Рустам. На полу валялись офисный стул, бумаги и канцелярия, а в глубине комнаты, опершись спиной на стену, сидел Фарид. На его фартуке виднелись несколько больших капель крови. Сам он смотрел в пол, держась руками за голову.

– Тебе чего?

По своей привычке, злобно ответил Рустам, потирая костяшки кулака правой руки. На морщинистом лбу и висках выступила испарина, его руки дрожали, глаза бегали из стороны в сторону. Стандартный набор героинового психоза.

– Рустам, мне нужны деньги за работу. За все дни. Иначе мне нет смысла продолжать вести вечер.

– Сколько?

– Сто тысяч, как договаривались.

– Со мной ты ни о чем не договаривался. Иди работай. Брезгливо ответил он.

– Нет, так не пойдет. Мне нужны гарантии.

Ведущий запротестовал, нервно переступая с ноги на ногу. Ему уже слабо верилось, что он сможет добиться положительного для себя результата, но и отступать было поздно.

– Гарантии?

Рассвирепевшее уродливое лицо вытянулось от удивления, тарашась выпученными глазами на Иштвана. Звериный оскал явно давал понять, что взаимно уважительный диалог закончен, так и не начавшись.

– Или ты сейчас же идешь в зал, продолжая свою клоунату. Или тебя ждут очень большие неприятности. Пошел отсюда, щенок.

Рустам с грохотом ударил ногой по двери. Старые петли взвыли от боли, заглушая поток брани на азербайджанском языке с частыми вкраплениями слов, вполне понятному славянскому человеку. Что-то похожее на – сука и я твой рот е**л. Хоть он и законченная сволочь, обделенная человеческой моралью, в его словах прослеживалась истина. Все договоренности по оплате и формату выступления между Иштваном и рестораном курировались Зафаром, Муххамад лишь утвердил его кандидатуру среди прочих других, а Рустам и вовсе, занимался совершенно посторонними делами. И младший сын до сих пор не появился. Набирая номер, ведущий раз за разом получал лишь машинный женский голос.

Возвращаться в зал совсем не хотелось. Руки дрожали от обиды и возбуждения, а чувство жуткой несправедливости волнами накатывала по всему телу, путая мысли. В кулисе ожидали своего выхода Марк и Кристина, в очередной раз увлеченно ругаясь. Поравнявшись с танцовщиками, Иштван последний раз посмотрел в глаза Кристины. Какая же она хорошая.

– Мне срочно нужно уехать, вас объявит Сергей. Очень приятно познакомиться и поработать вместе. Не грусти, у тебя все будет хорошо, слышишь?

Ведущий пожал руку Марку и на прощание, крепко обнял Кристину. Девушка поддалась в ответ, скрестив руки на его шеи. Он ощутил странное, давно забытое чувство спокойствия, будто ничего страшного и не произошло за последние два часа. Ее запах казался таким знакомым, в прочем, имел в своей палитре особенные, почти неуловимые нотки. Еще раз улыбнувшись, ведущий проследовал к диджейскому пульта.

– Меня кинули на бабло. Зафар недоступен, а Рустам – сука. В общем, я не хочу больше здесь находиться, один доработаешь, ладно?

Сергей с печалью воспринял новость, погрузился, виновато отводя глаза в сторону монитора. Он, как и Иштван, не терпел несправедливости, хоть и повлиять на ситуацию должным образом не мог. Все финансовые трудности он заглушал алкоголем, как и минуты триумфа, так что помочь он мог лишь сочувствием. И стопкой крепкого.

– Ты аккуратней с алкашкой, не испортить вечер. Люди не виноваты.

– Без паники, я все контролирую. Сергей решительно отодвинул порцию горячительного в угол, заменив бокалом холодной воды со льдом.

– Ты же меня знаешь.

– Вот именно, я тебя очень хорошо знаю, оттого и переживаю.

Похлопав диджея по плечу, ведущий отправился в сторону выхода. Пройдя до самого конца коридора, Иштван остановился возле зеркала, уставившись в свое отражение. Послед-

ние события окончательно вывели его из колеи. Ему показалось, что под воздействием мощного эмоционального всплеска он как-то даже стал ниже, ссутулился от тяжести событий. Он последний раз набрал номер Зафара. Вновь абонент не абонент. Обидно. Из зала донеслось – встречайте бурными аплодисментами, гости взвыли от восторга, рукоплещая и посвистывая. Зазвучали сильные музыкальные доли, предвещая страстный танец танго. Мероприятие продолжает жить, но уже без ведущего, размазав его по ковровой дорожке. Теперь Иштван никто, одинокий прохожий, подслушивающий радость других людей. Осталось закрыть за собой дверь, перелистнуть страницу и идти отсюда прочь.

– Стой. Обожди секунду.

По коридору бежал Сергей, грузно опускаясь на каждый шаг и истошно крича. В его руке находились две смятые тысячные купюры.

– Вот, возьми. Обязательно возьми.

– Я не могу.

– Бери и не спорь. Ты совсем без денег, а я на заказах еще заработаю. Ночка обещает быть жирной.

– Я даже не знаю, что ответить. Сергей, спасибо.

– Не за что, мой тебе подарок на новый год. Хотя ты знаешь, как я не люблю их дарить и всякое такое.

И, расплывшись в улыбке, добавил:

– И вообще, называй меня Билли.

– Хорошо, Билли. С новым годом. Спасибо еще раз.

Сергей довольно перемещался обратно в зал, подпрыгивая и смешно трясая волосами. Для него помочь человеку по мере своих возможностей, казалось, нечто особенным, геройским что ли. И он не мог не радоваться своему поступку. Иштван явно не ожидал такого презента, честно говоря, находясь в полной прострации. Как говорится, век живи – век удивляйся. Тебе, порой поможет тот, от кого категорически не ожидаешь. Последний из самого длинного списка тех, что точно нет. И первым продаст со всеми потрохами твой самый верный друг. Такая вот животная сущность человека.

Глава 5. Грустный рэп про телку.

Нам пора возвращаться. Провожая, я плелся рядом, специально разными тропами. Самым долгим способом. Я обязан послушать песню ещё раз. Хоть на расстоянии через колонку к тебе прикоснуться. Чувства могут нас предать, но только не музыка.

Город постепенно вымирал. Время приближалось к полуночи, означая, что большинство людей уже добрались до своих мест празднований. Лишь скучающие таксисты в надежде ухватить двойную таксу, курсировали по безлюдным улицам. Казалось, даже бездомные собаки, всегда снующие стаями возле общепита, нашли себе более уютные места. Вся страна ожидала скорое наступление нового года. Все, кроме него.

Парень шел по главной улице города в сторону офиса, в котором договорился встретиться коллегами по ивент бизнесу сразу после мероприятий. Иштван не сильно любил этих напыщенных, искусственных ведущих с постоянным раздражительным позитивом. Люди, не создающие ровным счетом ничего, за что их можно ценить и уважать. Только лишь вечные обсуждения мероприятий, количества заказов и того, насколько они были хороши. Скука. Подобные разговоры казались ему полнейшим моветоном. Словно брошенные дамы оправдывались перед своими подругами, рассказывая, что именно они совершили акт соития в доминантной роли, затем и вовсе не перезвонили. Врать и свято верить в свою ложь – штука крайне опасная. Он не хотел стать похожим на них, слащавых и ленивых, всячески открешиваясь от подобных встреч. Но судьба распорядилась иначе. Ведущий не успевал доехать до друзей, гулявших за городом, заранее договорившись приехать первого января. Домой тоже совсем не хотелось. Посиделки с семьей сводились к разговору о его будущем и тому, каким он был миленьким. Раньше. В детской кроватке. Так что выбор оставался небольшим.

На улице заметно похолодало. Столбик термометра опустился до отметки в минус тридцать девять, ветер усилился, продолжая гнать последние минуты старого года. Ведущий совсем продрог. Если вы не проживали зиму в Сибири или на Дальнем Востоке, то вам, скорее всего, неизвестно чудо текстильного производства, как кальсоны. В народе их называют подштанниками – мужское нательное белье, защищающее от ветра и мороза. Есть и женский вариант, шерстяные колготки с начесом, натянутые до самой груди. Высший секс. Не каждый осмелится выйти на прогулку без зимних, спасающих будущее потомство, аксессуаров. Именно сегодня Иштван, поленившись переодеться, оставил дома такую нужную форму одежды. Да и летние туфли не самый лучший выбор для преодоления снежного покрова. Парня колотило от холода. Все тридцать два зуба выдавали зажигательный канкан, без усталости продолжая свое выступление. Пальцы рук побелели, лицо же, наоборот, становилось ярко красным. Нужно срочно согреться – до офиса еще минут двенадцать быстрым шагом. Большинство бутиков и офисов закрылись, последние сотрудники торопливо снимали кассу в ожидании заветного окончания работы. Свет в зданиях погас, лишь в некоторых окнах продолжали гореть яркие люминесцентные лампы. В них такие же одиночки, как и ведущий, готовы встречать самый долгожданный праздник вдали от родных и близких.

Срезая путь через дворы, ведущий увидел цепочку прохожих, ютившихся возле подвального помещения с вывеской продукты. Компания была явно навеселе, о чем – то жарко беседуя и разливая спиртное в пластмассовые стаканчики. Закон о запрете продажи алкоголя в вечернее время всюду бушевал по региону, разнося малый бизнес в щепки. Забрать единственное, на чем держалась клиенториентированность таких мест – серьезный удар по прибыли. Но как показала практика, оплоты борьбы с законодательством существовали. Тем более, что война

велась 24/7, часто без лицензии, с откатом еженедельных процентов от выручки блюстителем правопорядка, местному криминалитету и иным неустановленным лицам.

Продажа запрещенки велась организовано, наращивая темп в дни празднований и без всякого смущения. В узком подвальном помещении, с энтузиазмом считая купюры, командовала парадом Изольда – местная бизнесвумен, с противной бородавкой над верхней губой. Местные алкаши прозвали ее Мэрилин. Толи в честь секс – символа пятидесятых годов, американской актрисы и певицы Мэрилин Монро, толи почитая героиню фильма Брата 2 – бритую проститутку из России. Доподлинно неизвестно, каким образом женщина получила свою характеристику, но она предпочитала порядок и не терпела медлительность, поэтому правил в магазине существовало всего два. Четко и громко огласить желаемое, литраж, количество. И оплатить товар без сдачи. Находиться здесь, больше требуемого времени не приветствовалось, о чем напоминал грозный, надутый стероидами, как пузырь, охранник. Либо бери товар, либо не заходи вовсе. И никаких тебе колбас, и сметаны, как обещала вывеска.

Погреться среди ящиков не виделось возможным, да и пристальный взгляд качка, явно не ожидавший увидеть человека в костюме, тем более в чистом, намекал на скорейшее совершение транзакций. Все-таки его глазу привычней стиль местных амбассадоров, сопровождающийся густым шлейфом перегара. Изольда продолжала ловко считать купюры, не поднимая головы, раскладывая пачки денег особым способом. От пятитысячных к менее крупным и обязательно рубашкой вниз. Лишь, почувствовав молчание, она подняла ярко нарисованные брови и уставилась на ведущего в упор:

- Так и будем стоять?
- У вас есть джек дэниэлс?
- Есть, но не по вашу честь.

Продавщица усмехнулась, поправляя прическу:

– Тысяча восемьсот за ноль семь. Бери лучше столичную – экспортная серия, на утро никакого похмелья. Цена всего тыща.

– Беру виски. Запить есть?

– Мужчина, я вам что, супермаркет? Мы в новый год работаем, семью не видим, чтобы вас порадовать. Продать кое-что, чего во всей округе не найдешь, а он еще выделяется. Не нравится – иди в ресторан, девок щупать.

– Я только оттуда.

Со вздохом произнес ведущий, протягивая смятые купюры, врученные Сергеем. Совсем не так он планировал провести сегодняшний вечер.

– Сдачи не надо, с новым годом!

– И тебе не хворать.

Иштван проглотил хамоватую наглость со стороны престарелой властительницы погреба, забрал бутылку и отправился восвояси. Ему стало всячески наплевать на признание продавщицы, невыплаченный гонорар, азербайджанских братьев, самого себя и женщину, которой он когда – то любил. Да что скрывать, до сих пор любит всей душой, проживая каждую минуту своей жизни. Откупорив виски, ведущий сделал несколько больших глотков. Пойло по вкусу напоминало деревенский самогон, раскрашенный пакетиком дешевого чая. Организм плохо воспринял влитое, сопротивляясь этиловому спирту, который явно присутствовал при изготовлении. Поборов рвотные потуги и дождавшись пока содержимое уляжется, парень выдохнул струю пара в морозный воздух. Стало легче. Приятная, теплое облегчение пробежало с головы до пяток.

Все не так уж плохо на сегодняшний день. С долей самоиронии подумал Иштван. Строчки из песни группы Кино как нельзя кстати, всплыли в сознании. Усмехнувшись, ведущий вновь сделал несколько глотков, но уже поменьше, закрутил бутылку крышкой и закурил. Находясь в своих размышлениях, он совсем не заметил перемен. Или градус паленого вискаря

дал свой эффект или метаморфозы случились прямо здесь и сейчас, но на улице стало тихо. Ветер, прежде беснующийся леденящей выюгой, стих. Мороз тихонько звенел, уже не обжигая, а крупные хлопья снега медленно опускались на припаркованные автомобили, строения и осветительные столбы. Небо окрасилось красным, приятным для человеческого глаза. Наступила настоящая зимняя сказка. Пожалуй, выпью еще.

На первом этаже офисного здания располагалась вахта, где ответственный сотрудник коротал рабочие часы за просмотром сериалов. Настоящий маньяк дешевых мыльных опер, с появлением в его жизни платформы нэтфликс совсем тронулся головой. Пожалуй, он единственный человек в мире, посмотревший все сезоны зачарованных в сознательном возрасте. Иштван поприветствовал охранника, заставив его оторваться от экрана, взял ключи и поднялся на третий этаж по винтовой лестнице. Офис пустовал. Ведущий нарочно не стал зажигать свет, ограничившись гирляндой, протянутой по всему периметру комнаты. Разноцветные лампочки мерцали праздничными огнями, тихонько шелкая во время смены режимов. Уютно, тепло и спокойно. Главное никого еще не появилось, кто сможет испортить настроение, и без того крайне подавленное. Иштвану комфортней находиться одному, без гудящей толпы из числа сомнительных знакомых. Он умел вести прямой диалог с самим собой, со своими мыслями и переживаниями, никогда не чураясь своего состояния. Такие вечера выливались в несколько десятков строк, написанных в толстый ежедневник и бесчисленные заметки в телефоне. Стихи, куски прозы и оборванные мысли, стеснительно ложившиеся на разлинованный лист – без особых планов на то, чтобы стать цельным произведением в будущем.

Для попадания в состояние безысходности, ведущий использовал нехитрый метод. Музыкальное самобичевание. Если по молодости все уважающие себя девочки страдали под творчество Максим, а мальчики фанатели по группам Демо, Вирус и Фактор 2, то в нынешнее время выбор более чем грандиозен. Иштван выдумал даже специальный жанр, чтобы объединить все любимые композиции – грустный рэп про телку. Естественно, в русской интерпретации. Что нужно сделать такого мужчине, чтобы он в полном здравии стал сочинять квадратные рифмы, ласково называя своих возлюбленных сучками? Хотя, не секрет, что психическое здоровье большинства звезд эстрады вызывает опасение. Знакомый мотив Леши Маэстро заполнил комнату, на то время самого любимого страдальца, постепенно заменяя сегодняшние события на трагические переживания песенного героя. Приятная спокойная грусть. У ведущего был специальный песенный топ, способный довести адекватного человека до суицида – вдох выдох, дороже золота, последний раз ты со мной и бесчисленное множество исполнителей – однодневки с единственной песней. Их объединяло одно. Все треки тематически сводились к взаимной теме. Часто к неразделенной.

– Почему у тебя все песни о любви? Разве можно хотеть жить, когда сутками слушаешь подобную страдальческую чушь?

– Любовь для меня губительна. Она разрушает всякую индивидуальность. А когда звучит песня – она напоминают мне, что я все еще существую. И могу полюбить вновь, не беспокоясь, что сердце раздавят каблуком. Хотя бы до того момента, пока финальная кода не затихнет.

– Ты странный.

– Согласен. Потому что живой.

Глава 6. Конкурсы с переодеванием и призами.

Все золотые цепи обратятся в прах кристаллов, порошок отнимет живого веса килограммов, и два заблудших человека – когда-то раньше ставших бранными, получат личное бессмертие.

– С новым годом, б**ть!

Истошно вопили незнакомые люди, тряся ведущего за плечи и раздавая пощёчины. Кто-то взорвал возле уха хлопушку, усыпав офис праздничным конфетти. От неожиданности, Иштван резко вскочил на ноги, но тут же медленно сполз на диван. Яркие радужные вспышки в глазах затмили происходящее. В порыве меланхолии он не заметил, ожидая гостей, что уснул. Бутылка валялась на полу, остатки виски впитались в рубашку и брюки, образуя типичный творческий пассаж любого артхаусного художника. При желании, на мокрой ткани можно разобрат гениальный посыл, открывающий глаза на проблему мирового загрязнения или неверности жены после шести лет совместной жизни. Герой-клякса делал для нее все, что она только пожелает – плохо выглядел, пил на выходных с друзьями и критиковал все ее творческие начинания. А она так с ним поступила, скотина неблагодарная. Оттого и собрала два увесистых чемодана и покинула семейное гнездышко. Но ничего подобного не могло привидеться адекватному человеку, всего лишь грязные разводы поддельного алкоголя.

Офис наполнился, как им желалось думать, творческой интеллигенцией. Ведущие разного статуса, финансового положения и таланта. Все как один, выглядели практически одинаково. Ухоженные бороды, стильные прически с бритыми проборами и всеобщее гипертрофированное чувство собственной значимости. Объединяла их жажда легких денег, получаемых от доверчивых невест и корпоративных клиентов, не разбирающихся в ивент индустрии в силу своей занятости текущими делами. Пожалуй, если заказчики уделяли чуть больше времени, чем проверка одинаковых портфолио и комплементарных описаний, то страна получила бы тысячи новых менеджеров, торговых представителей и профессиональных безработных. По крайней мере, среди находящихся в комнате, большинство точно искали бы реализации в другой сфере. Главная проблема рынка ведущих – его минимальная централизованность, невозможность осуществить рычаги давления на откровенных шарлатанов. Каждый ведущий, пусть и самый паршивый, найдет своего клиента. Чего у них не отнять, так умение организовать банкет в кратчайшие сроки. В офис занесли целый ящик различного алкоголя, собранный всеми участниками пиршества со своих рабочих корпоративов. Поощрения за прекрасную работу. Только вина более семи видов. Не считая текилы, самбуки, абсента и прочих греющих душу напитков. Алкогольная палитра. С таким набором можно легко провести неплохую свадьбу, но в данный момент времени весь спектр горячительного принадлежал только им.

Многих присутствовавших Иштван знал в лицо, но на большее, чем пожиманий руки и приветственных кивков ни с кем не обменивался. Еще в институте он подружился с двумя парнями, Денисом и Никитой, творческой богемой факультета. Молодые люди очень быстро нашли общий язык, организовывая праздники, шествия и концерты вуза. Парни проводили все свободное время вместе, но Иштван всегда был третьим в их дружеском дуэте. В прочем, данное обстоятельство не мешало реализовывать совместные проекты. Именно Никита предложил Иштвану провести мероприятие в гостинице Восход, став невольным виновником всех кардинальных изменений в его жизни. Но на тот момент, успешно справившись с поставленной задачей, Иштван получил небольшой гонорар и приглашение в праздничное агентство Инсомния. Под руководством двух равнозначных друзей – партнеров. Сегодняшний сабантуй организовали именно Никита с Денисом, любезно предоставив свой офис для всех желающих.

Никита, по своей натуре, был рубахой парнем. Веселый, компанейский, свой. Казалось, он любил каждого человека абсолютной любовью, не требуя ничего взамен. Его неподдельное озорство, жизненная энергия, дарила улыбки окружающим. Его любили настолько искренне, насколько он отдавал всего себя. Без остатка. И бесконечно генерировал идеи, порой самые безумные. Однажды, во время сессии, близился самый ответственный экзамен. Преподаватель по начертательной геометрии слыл настолько суровым, что ни коньяки, ни другие взяточные блага не принимал. Означал сей факт только одно – выучить весь материал и уповать на хорошее настроение принимающего. Группа находилась в удрученном состоянии, считая дни до сдачи, всячески смакуя истории старшего поколения об отчислениях и правилах оформления академика. Никита категорически не принимал общего пессимизма, стараясь посеять зерно надежды в головы одноклассников:

– Нам нужен трофей. Символ нашей победы над образовательным узурпаторством. Мы обязательно сдадим и отметим экватор. Бок о бок, лицом к лицу.

Таковыми словами он начал свой манифест. Его патриотическая речь сводилась к тому, чтобы всем вместе сделать что-то особенное, легендарное. Быть может незаконное, дабы иметь свою объединяющую тайну. Секрет. Чтобы последующие абитуриенты из уст в уста передавали историю их поступка. Если уж кому-то и придется покинуть стены вуза после сессии, то оставить свой след в истории обязан каждый. Решено. Местом подготовки диверсии общим голосованием выбрали общежитие. Во – первых, большинство группы нарекались понаехавшими и не имели возможности собираться вне стен института или места проживания. Во-вторых, у Никиты имелся ключ от зала, в народе – гадюшник, где проходили культмассовые мероприятия общаги. С последующими отмечаниями вином из тетрапака и первыми дефлорациями в кулисах. Объектом шалости, в первом же чтении, как и все идиотское в нашей стране, назначили бабу Нюру. Коменданта. Суровая женщина, настоящий фанат Советского союза и лично Иосифа Виссарионовича Сталина. Поговаривают, что в молодости она работала конвоиром расстрельного отряда, приговоренных к высшей мере наказания. Особо мнимые утверждали ее связь с организацией революции 1917 года и уничтожением царской семьи. В прочем, никаких доказательств причастности не находилось, однако бабу Нюру боялись все. Особенно опоздать, когда двери общежития закроются или попасться на неуставных отношениях с женским полом. В общежитии, как и в коммунистической истории нашей страны, продолжение рода держалось под строжайшим запретом.

– Труссы. Мы украдем у нее трусы. Как-то слишком победоносно произнес Никита, окинув взором недоумевающих приятелей. Затем и вовсе залез на трибуну, дабы продолжить свою речь:

– Каждой оппозиции, движению, военному отряду необходимо знамя. Вспомните римские легионы – они сражались за свою идею, принципы и главным человеком в бою был знаменосец. Он шел во главе войска, гордо возвышая знамя перед собой. И первым погибал, но на его место приходили другие. Словно фениксы, вновь и вновь, возрождаясь из пепла. У нас будет свое – личное знамя, размером три икса эль.

– Нареекаем тебя нашим Аквиллифером. Аве, Цезарь. Аве.

Под сумасшедший гул и хохот скандировали ребята, давась от смеха и повалив Никиту на пол. Они радовались и аплодировали его гениальной идеи, выдуманной совершенно случайным образом, чем вызывали неодобрительный стук по батареям от остальных проживающих. Так родилась самая глупая студенческая история в их жизни.

От слов к делу. На следующий день разработали хитроумный план по добыче реликвии из комнаты коменданта. Суть сводилась к тому, чтобы незаметно пробраться в жилище, расположенное на втором этаже, пока идет вечерняя проверка. Баба Нюра очень любила обходы, выработав свой метод по поимке нелегалов, обычно парней, не проживающих в общежитии. Так же она не брезговала конфискацией запрещенных в обороте средств и пресечением любых нару-

шений общественного порядка. Обычный проверяющий поднялся бы на пятый этаж и постепенно спускался вниз до первого, выявляя нарушителей. Но наша гестапо непальцем деланная. Баба Ньюра, дабы пресечь информаторов, сообщающих о ее плановом спуске вниз по этажам, специально путала след. Она могла начать проверку с третьего, незаметно подняться по служебной лестнице до пятого, пройтись по коридору в отсек для преподавателей и уже через него оказаться на первом. В лучших традициях офицерской контрразведки.

Действовать решили на опережение. На каждом из этажей подготовили специальные ловушки. По задумке, на первом влюбленной парочке следовало очень ярко выражать свои чувства, страстно зажиматься и всячески демонстрировать свою значимость друг другу. Заметив коменданта, мирное сосуществование перерастало в ссору. Болезненное расставание со слезами и криками. Последующее примирение конфликтующих руками представительницы старшего поколения давало время произвести выемку нижнего белья. На втором – интеллигентного вида парень готовился засыпать вопросами об улучшении жилищных условий, переселении или хотя бы приобретении за счет бюджетных средств телевизора. Любые разговоры на эти темы комендант воспринимала как личную обиду. Третий – курение в неполюженном месте. И несколько брошенных окурков возле комнаты ботаников, для отвода глаз. Крики и угрозы выселения с одной стороны, и слезы мольбы и непонимания с другой. На четвертом – разбитый световой плафон. Считай, самый серьезный залет. Попахивало эвакуацией целого этажа в коридор с последующим допросом каждого. За это время можно спокойно замести следы. До пятого думалось не дойдет, но на всякий случай подговорили всех его обитателей, чтобы те устроили гробовую тишину. Сайлент Хилл местного разлива. Такое поведение обязательно насторожит, и проверка нескольких комнат обеспечена. На каждом уровне стояли информаторы, готовые вести цель и сообщать Никите о местоположении объекта. Ему лишь останется зайти в комнату, пробраться к совковому комоду возле окна и стащить нужную вещь. И главное, никакого взлома – комендантская дверь не имела замка, да и любой человек в добром здравии не решится зайти в логово ада без веской на то причины.

– 19:59. Объект выходит из комнаты. Встречается с занудой. У них завязывается диалог. Да, получилось, теперь они вместе выходят к лестнице. Всем быть в полной готовности. Никита, твой выход.

В ответ послышалось утвердительное принял и шипение радиоэфира. Операция началась.

Никита обогнул угол, отделяющий общий коридор от служебного, проверил взглядом лестницу и быстрыми шагами отправился в сторону комнаты. Мгновение и он возле двери с табличкой комендант. Под ней красовалась свежая надпись сука, тщательно замазанная белой краской, но все же проступающая через многочисленные слои. Толкнув ладонью, дверь поддалась, приглашая зайти незваного гостя. В комнате темно. Тусклый свет лампочки прикроватного торшера освещал тумбочку, ташкентский ковер и махровые цветные тапки. На другой половине комнаты стоял сущий мрак, лишь зимняя луна пробивалась сквозь занавески. Дряхлый комод занимал большую часть площади, даже больше, чем кровать, являясь главной ценностью. Старый и пыльный, с массивными чугунными ручками. Никита открыл среднюю полку. Перед ним искрясь и заигрывая лунными вспышками лежали лучшие представители советского трикотажа. Не раздумывая, парень взял первое, что попало под руку. Нечто огромное, белое, в мелкий цветной горошек. Операция завершена.

– Она идет к тебе. Возвращается обратно, слышишь?

Сквозь шорох радиоэфира вопил испуганный детский голос, будто считал, что чем громче преподнести новость, тем она станет более понятной и сразу же разрешимой. Но не получая ответа и всячески радея за общее дело, парень продолжал наседать:

– Баба Ньюра на этаже, движется прямо по коридору. В свою комнату.

От услышанного Никите поплохело. Руки задрожали, предательски выронив рацию на пол. Пути отступления отрезаны. Через мгновение комендант зайдет в комнату, и его история закончится. Тут даже и спрятаться негде, чертов коммунистический минимализм. Нужно что-то делать, что-то срочно придумать. В этот момент ветка дерева, подхваченная дуновением ветра, слегка ударила по окну, нарушив тревожную тишину. Вот и решение подъехало.

Бог меня любит. Рассуждал Никита, заточенный в четырех стенах вражеской территории. Всего лишь второй этаж. Да и снега порядком намело. Прыгну вниз и исчезну во мраке ночи. Старая карга и не опомнится. Опьяненный страхом и мизерным шансом на спасение, Никита рванул створку. Свежая поклеенная марля, закрывавшая щели, поддалась и в лицо ударил свежий морозец. Взобравшись на комод и еще раз оглядев место своего заточения, парень сиганул вниз. На что он рассчитывал? Полет оказался не долгим. Воткнувшись прямыми ногами в сугроб и отбрасывая куски снега впереди себя, Никита попытался сделать первые шаги после приземления. Резкая боль свела обе ноги, опрокинув тело назад. Попытавшись еще раз подняться, он обессиленно рухнул обратно. Парень лежал на спине, совсем не способный пошевелиться. Молча смотрел на ветки дуба, раскачивающиеся от ветра, на густое зимнее небо с яркой луной, на открытые ставни окна коменданта. Из которого свесилась баба Ньюра, размахивая морщинистыми кулаками и орущая расстрельные угрозы. Никита ничего не слышал, не понимал, постепенно теряя сознание.

История вызвала широкий общественный резонанс. Как в самом университете, так и в рамках городской жизни в целом. Шутка ли, парень украл стринги коменданта общежития, хотя назвать их таковыми не повернется язык, уж слишком большая парусность материала. И выпрыгнув из окна второго этажа, Никита получил перелом пяток обеих ног. Мгновенная карма в действии. Большой скандал собрал экстренный созыв комиссии, в котором решался вопрос об отчислении Никиты без права восстановления. В силу полученных травм он не мог посетить мероприятие в его честь, как и в принципе ходить, но нашлись сочувствующие из числа его одноклассников. Положительные характеристики, вклад во внеучебные мероприятия и тысячи подписей в защиту сделали свое дело. Никите вlepили жесткий выговор и простили с формулировкой – последний раз, допустив до сессии. Университет ликовал. На оставшиеся экзамены его носили на руках, в прямом смысле слова, от аудитории до лаборантской. Да и преподаватели чуть смягчали требования, еле сдерживая смех при виде местного героя. В ту сессию никто не отчислился, показав лучший результат на потоке. Вот так, Никита старался добыть знамя, но сам стал символом. Смешной, улыбчивый, с гипсом обеих ног от пят и до колен.

– Иштван, ты будешь пробовать?

Никита пристально наблюдал за другом, ехидно улыбаясь. Его глаза блестели, то ли от алкоголя, то ли от незаконности своего предложения.

– Я никогда не курил ничего, кроме сигарет.

– Никогда? Брат, ты многое пропустил в своей жизни. Это вышка. Не бойся, я же тебе не героинем предлагаю вмазаться.

– А у тебя и героин есть?

Иштван действительно испугался. Еще с детских лет в мозгу засела информация, что героин – нечто абсолютно страшное и опасное. И находится вещество постоянно где-то рядом, в непосредственной близости, желая лишить жизни всякого глупца, осмелившегося бросить ему вызов. Обязательно настанет момент, когда тебе сделают предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Если будет нужно, я все что угодно достану. Пойдем, открою тебе другой мир. Тебе понравится.

Друзья вышли из офиса, поднялись на этаж выше по лестнице, очутившись в туалете. В нем было еще четверо парней из числа посвященных в священное таинство. Никита подбадривающе толкнул ведущего ближе к центру круга, где происходил неизведанный до сего процесс. В железном ведре, наполненном водой наполовину, плавала пластмассовая пятилитровая, обрезанная пополам канцелярским ножом. В основании горлышка соорудили колпак из фольги, как на кальяне, только вместо сладенького табачка с мятой была терпкая, липкая, коричневая субстанция. Никита нажигал зажигалкой колпак, медленно поднимая бутылку вверх таким образом, чтобы она полностью заполнилась наркотическим дымом. От воды и до самого горлышка. Такого Иштван еще никогда не видел вживую, только в документальных фильмах о зависимостях и клипах Снуп Дога.

– Открываешь колпак, резко опускаешь бутылку в ведро, пока легкими тянешь дым. Понял? Только держи подольше, сразу не выдыхай.

Через секунду бутылка опустилась вниз, чуть выплескивая воду из ведра на пол. Едкий обжигающий дым наполнил рот, горло и легкие. Внутри тела разгорелся пожар, стало плохо от нехватки кислорода и вонючего запаха наркотика. Иштван держался до конца. Он не мог выдохнуть сразу, прослыть слабаком и упасть в глазах более опытных коллег. Надув щеки, ведущий терпел, сдерживая слезы и первые рвотные позывы.

– Смотри, жадный какой, на рекорд идет. Выдыхай давай, уже зеленый весь.

Ведущий выдохнул. Дым большой струей вышел изо рта в открытую форточку. Иштван сильно закашлялся, пошатнулся, приклонившись на колено. Опираясь одной рукой об плиточный пол, ведущий держался за горло. Разве так должно быть? Ему катастрофически не хватало кислорода. Казалось, на мгновение он забыл такие простые и понятные механические движения, как вдох и выход. Обильная слюна наполнила рот, капая с нижней губы на шахматную плитку. Комната ссужалась, стены и потолок давили на голову, заставляя пульсировать виски и раздувая жилы на шее. Ядовитое послевкусие разъедало стенки горла и пораженную слизистую.

– Брат, ты чего? Давайте его умоем. Возьмите под руки.

Парни оттащили Иштвана к умывальнику. Брызги холодной воды привели ведущего в чувства. Он большими глотками хлебал из открытого крана, прильнув губами к холодному железу и стараясь заполнить выжженную пустоту внутри себя. Промокнув лицо бумажным полотенцем, Иштван пристально посмотрел на свое отражение в зеркале. Человек, стоявший по ту сторону стекла – улыбнулся. Иштван улыбнулся в ответ. Я не знаю этого парня, но он чертовски хорош. По телу пробежала волна всепоглощающего тепла. Дыхание участилось, сердце приятно колотило, разгоняя кровь, словно Иштван очутился внутри вагонетки на американских горках. Я это сделал. И мне, наконец то, хорошо.

На ватных ногах Иштван кое-как добрался обратно до офиса. Он с силой плюхнулся на диван, заставив подпрыгнуть сидевшего рядом парня. Боже, какой мягкий диван. Я готов быть с ним вечно. Его сознание полностью опустело, неведанная сила забрала мысли, оставив легкий холодок на кончиках пальцев. Если в жизни и есть эйфория, то ведущий ее ощутил. Прямо сейчас. На самом удобном диване в его жизни. Время словно остановилось, а звуки замерли. Никто и ничто не могло его отвлечь от познания нового мира. Яркого, бесформенного, беспроблемного. Которого ведущий всячески чурался раньше, пресекая любые попытки попробовать наркотические вещества. Он знал, что ему понравится. Ему было жизненно необходимо поменять сознание. Ощутить вещи, до которых другим попросту нет дела. Почувствовать себя настоящим. Живым. Иштван рассматривал свои руки, предметы, людей вокруг, но не мог сфокусироваться на чем-то одном. Да и такой расклад не входил в его планы. За время действия наркотика ведущий желал открыть реальность заново, ошибочно полагая, что раньше знал ее в совершенстве. Любое действие вызывало неподдельный смех и восторг. Будто он снова стал

маленьким, делал первые шаги и удивлялся ярким вспышкам гирлянды. Здесь так легко и красиво. Я хочу остаться. Тут нет этой лживой суки.

Последняя мысль перевернуло настроение. Откуда-то появилась тревога, раздражение. Доселе яркий и комфортный мирок, бережно охраняемый ведущим, развалился карточным домиком. Да как она, вслух, при мне, может говорить такое? Злость становилась все сильнее. Кто это сказал? Откуда в голове эти строчки? От удара наотмашь пепельница разбилась пополам, разбросав осколки на ковре. Парни переглянулись. Иштван сидел на диване, уставившись в точку на шкафу. Из его сжатого кулака сочилась кровь. Лицо приобрело снежный оттенок, будто гример переборщил с гримом, стараясь замазать синяки под глазами телевизионщика.

– Чувак, ты словил бледного. Иштван не понимал сути сказанного, но все вокруг начали смеяться и скандировать воинский клич викингов. У-У-У-У. Его подхватили на руки, несколько раз подбросили вверх. Со стороны могло показаться, что он забил гол на последней минуте компенсированного времени, тем самым принеся долгожданную победу своей команде в финале лиги чемпионов. Но нет, ведущий всего лишь обдолбался до состояния, когда не мог воспринимать действительность. Тело отказывалось слушаться. Лишь немая злоба на весь окружающий мир бурлила внутри. Обработав рану и перевязав руку, ведущего положили на диван, укрыв шерстяным пледом в яркую клетку. Мысли путались и рвались. Я тебе докажу. Я лучше всякого. Уберите страшного мальчика в желтом пиджаке. Как он прошел фейсконтроль? На сегодняшний день Иштван свое отгулял.

Глава 7. Поворот не туда.

Хочется скандала. С крепкой бранью, подкрепленной фактами измены. Доводами, сплетнями. Всех моих друзей мнениями. Естественно, с рукоприкладством взаимным. Какая может быть ссора в России без домашнего насилия? Семейная захватская тирания. Очень скучаю по тем временам, ностальгирую.

Похмельное утро. Точнее время близилось к вечеру – на город опускалась сумеречная пелена. От микса всевозможных коктейлей, вина, бутылки виски и дебютной тяги сверху, Иштван чувствовал себя неважно. Тело всячески знобило, спина ныла тупой болью в области поясницы, как бы насмехаясь над выбором офисного дивана в качестве кровати. Снова никого рядом не оказалось. Наверное, душа потребовала продолжения. Молодость она такая. Спонтанная. Офис нуждался в капитальной уборке. На ковролине проступали грязные брызги от красного сухого. В углу, где еще вчера стоял кальян, зияла обугленная по краям дыра размером с кружку. Шкаф-купе, доселе хранивший в себе офисную документацию, сценические костюмы и реквизит, стоял, осунувшись, без полок и дверей. Зеркало находилось отдельно, бережно опираясь на музыкальную колонку. Вот так гуляет интеллигенция. Все приличия и утонченные манеры заканчиваются после первой рюмки.

Ведущий не мог найти свой телефон. В карманах его не оказалось, как и на стеклянном столике, густо заставленный грязными стаканами. Знаете, то чувство глупой паники, когда особо не ждешь звонка, но подсознательно считаешь, что произошло что-то очень важное, быть может, судьбоносное, пока ты находился вне сети. И теперь, всячески рыщешь по углам, в надежде отыскать гаджет, пока остается хоть один шанс, что-то изменить своим ответом. Практически всегда паническая атака беспочвенна в своей истерии стать онлайн прямо сейчас. И вот теперь, не прошло и получаса, как послышалось глухое дребезжание стекла. Затем стихло и повторилось вновь. Вот оно – вибрация. Значит истина, где-то рядом. Внезапное дело агентов Малдера и Скалли близилось к разгадке.

Иштван начал спешно разгрести посуду, перекладывая утварь в пластиковый контейнер, служивший своеобразной мойкой. Обычно его замачивали с моющим средством, и оставалось только промыть содержимое водой. Но сейчас не до генеральных уборок. Спустя минуту звук появился вновь, где-то в глубине стола, точнее даже под ним. Через стеклянную поверхность просачивалось тусклое мерцание, вращая хороводы из световых бликов. Ведущий встал на четвереньки, теснясь между столом и диваном – давление резко ударило по вискам выстрелом охотничьей дроби. Естественно, проще отодвинуть преграду и не корячиться в позе собаки, но похмельный синдром поражает, в том числе и умственные способности человека.

Под столом валялась перевернутая пепельница, точнее то, что осталось от карате-удара. Рядом с ней под плотным слоем окурков вибрировал телефон. Сквозь пепельную сажу пачкой сыпались смс – уведомления. За вычетом сообщений от мчс и мобильного оператора с просьбой внести абонентскую плату, выделялись два контакта. Текст примерно сводился к одному и тому же, вызывая диаметрально противоположные чувства. Иштван поднял начатую сигарету с пола и, прикурив, зачитал последние:

Сообщения/Входящие: Привет, дорогой. Мне нужна помощь. Приезжай.

Две схожих, коротких смс от двух совершенно разных по эмоциональной значимости людей. Кристина Танцы и абонент, именуемый – Не брат. Последний контакт Иштван переименовал около полугода назад, когда любовь всей его двадцати пятилетней жизни ушла, забрав с собой что-то чертовски ценное.

Он не помнил, как оказался на улице. Как бежал по ступенькам, крича охраннику, чтобы тот закрыл офис. Не отложились в памяти и поворот ключа, рокот остывшего за ночь мотора и визг поддержанных колодок. Да и все вокруг не составляло ровным счетом ничего важного. Иштван несся по улице Волочаевской на старенькой тойоте, выжимая больше трех тысяч оборотов, еле успевая перестраиваться из ряда в ряд. И ему глубоко наплевать на сигналивших автомобилистов, ошарашенных прохожих и лишение прав за управление транспортом под градусом. Ей нужна моя помощь. Пять часов назад. Я опоздал. Раз за разом, набирая номер и тщетно пытаясь дозвониться, ведущий нырнул вглубь спального района. Возле школы, не повернув по обыкновению налево, а промчавшись вдоль дубовой аллеи, машина размашисто налетела на лежак. Лежачий полицейский – истинный продукт дьявола, уничтожающий ходовую часть всякого, кто попытается ему противостоять. Стойки больно ударили по корпусу, глушитель сорвало с креплений, мотор взревел с удвоенной силой. Хрен с ним. Главное успеть. На горизонте показалась знакомая арка пятиэтажной панельки.

На телефонные звонки никто не отвечал, как и на свирель домофона. Окна в спальне четвертого этажа светили, но рассмотреть кого-либо в комнате не получалось. Господи, пусть с ней ничего не случилось. Иштван никогда не верил в бога, церковь и таинство прихода, но, как и всякий атеист, судорожно молился, когда прижмет. В детстве он просил у бога четверку по контрольной и тогда бы его отпустили на день рождения к соседской девочке. Он обещал исправиться, перестать лениться и даже самому убраться в комнате, повторительно нашептывая свою просьбу. Но чуда не произошло. На следующий день он плелся домой с очередной двойкой по математике, в полном недоумении и с обидой на все божественное начало. Необъяснимое случилось и в день его крещения. Серебряный крестик, освещенный по всем правилам, таинственным образом исчез с шеи ребенка по дороге домой. Как не старались родители сопоставить факты пропажи, священный атрибут так и не был найден. Так что с верой не задалось с самого начала.

Подъездная дверь открылась. Сердобольная бабулька в каракулевом пальто, с полной чашкой нечто такого, более похожего на гастрономическое месиво, выпорхнула на улицу. Ее мгновенно окружили местные дворовые коты – блохастые и дико костлявые, мяуча на свою тяжелую кошачью долю. Иштван вбежал внутрь, залпом поднялся до нужного этажа, оказавшись возле бордовой двери с ромбовым теснением. Два коротких и одно протяжное нажатие кнопки звонка. В квартире послышались шаги.

– Что за паника? Она появилась в смешных цветастых штанах, необъятных размеров кофте и розовых тапках-зайцах. Явно только проснулась. Ее голос становился особенно нежным, когда она, спросонья, молила оставить ее в кровати навечно. В те минуты Иштван мог простить ей нарушения любой греховной заповеди. Так и сейчас, лохматая и зевающая, она продолжала быть лучшей женщиной на земле.

– Что случилось? Ты мне писала. Я приехал.

– Ничего. Хотела поговорить с тобой.

– Говори.

– А сейчас не хочу. Покурим?

Она достала тонкую сигарету, сначала встряхнув пачку рукой, чтобы убедиться в их наличии. Прикурив, она молча выдохнула дым в беленый потолок подъезда, явно наслаждаясь ситуацией. Он все еще меня любит. До сих пор. Иначе бы не приехал. Иштван закурил в ответ. Злоба закипала. Только она и никто другой может довести до бешенства своей отвратительной детской непосредственностью. Идиотская женская переменчивость.

– Стоп, ты хочешь сказать, что просто хотела поговорить? А теперь не хочешь, да? И ничего ровным счетом не произошло? Я через весь город мчался в этот богом забытый район, нарушая абсолютно все существующие дорожные правила. С бодуна, с опухшей рожей, чтобы с тобой покурить?

– Да нормально ты выглядишь, не выдумывай. Отшутилась девушка мечты, ковыряя большим пальцем левой руки остатки маникюра, который давно следует обновить. Правой она подносила сигарету ко рту, делая очередную затяжку. Надменное равнодушие.

– Знаешь, о чем я думал? Нет? Я думал, что тебя насилуют. Да-да, насилуют, убивают, грабят. Что ты сломала ногу, сожрала таблеток или твой мохнатый п***рас опять суицидил, прыгнув с балкона. Поверь, с такой хозяйкой он точно завершит начатое.

– Ну не обломался же приехать? Девушка огрызнулась, добавив укорительного тона.

– Раньше и на автобусе катался и ничего, живой.

– Раньше я тебя любил.

– А сейчас?

– А сейчас, дорогая, иди ты на х**.

Иштван бросил окурочок в дверной наличник. Он целился в девушку, но в последнее мгновение передумал, чуть сместив амплитуду броска. Красные вспышки угольков заискрились и так же стремительно потухли, опускаясь на бетон. Наглядный символизм их отношений. От любви до ненависти – одна выкуренная сигарета. Ведущий чувствовал себя использованным, униженным в стремлении во, чтобы то не стало, помочь. Обманутым в своих ожиданиях. Мерзкое состояние. Осознание своей слабости необходимо проживать в одиночестве, без лишних на то свидетелей. А не выставлять напоказ, тем более человеку, знающему о своей власти по отношению к нему.

Он молча сидел в салоне автомобиля, наблюдая за снежинками, падающими на лобовое стекло. Хрусталики воды соприкасались с теплой поверхностью и тут же умирали, под взмахи щеток стеклоочистителя. Другие же, освещенные фарами, ложились ровным слоем на промозглую землю, оставаясь живыми. Если бы у первых был выбор, куда упасть, стали бы они лезть на рожон? Или прослыли бы трусами среди своей снежной тусовки, отсиживаясь среди таких же слабаков, в сугробах за пределами дороги? Быть может, все в жизни давно предрешено, спланировано, выдумано за нас и не стоит идти против системы? Иштван заплакал. Бесконтрольно, не в силах остановиться. Да и бороться с таким постыдным мужским проявлением, как слезы, больше не мог. Мудак. Какой же я мудак. Прошептав, он ударил кулаком по рулевой колонке. Затем еще раз. И еще, еще, еще. Двумя руками, поочередно, нанося удары по краю руля и приборной панели. Бой с тенью в замкнутом пространстве автомобиля. Окончательно сбив костяшки на руках, он продолжил спарринг, но уже головой, крепко держась за руль. После семи-восьми повторений голова закружилась, сознание затуманилось, а во рту появился привкус металла. Теплая струйка крови стекала со лба, чуть задерживаясь на правой брови, но преодолев преграду, продолжала свое движение вниз. Правый глаз перестал видеть, сильно залитый багровой жидкостью.

Я докажу. Ей, себе, всему миру, кто я есть на самом деле. Сорвавшись с места, тойота на полном ходу зашла в поворот, чуть забуксовав на снежном покрове. Он не знал куда ехать, впрочем, и никуда не планировал. Иштван давил на газ, будто стараясь размазать, как снег под крышкой, минуты своего позора. Кровь не останавливалась, продолжая заливать лицо и бороду. Он не чувствовал боли, по крайней мере физически, да и адекватно воспринимать ситуацию не мог. Машина набирала ход, виляя по пустынным рядам улиц новогоднего города. Впереди показался светофор, а за ним, примерно в километре – перекресток. Если добавить скорости, то при прочих равных условиях можно вполне проскочить на мигающий желтый, но никак не успеть закончить маневр на следующем светофоре. Или остановиться, как все нормальные люди, ожидая разрешенного сигнала. Иштван выбрал третий вариант. Он подъехал к стоп линии, взглянул на обратный отчет, повествующий о том, через сколько секунд разрешено ехать вперед, и пропустив нескольких пешеходов, с силой вдавил педаль акселератора. Машина вновь забуксовала, и, вырвавшись из плена, как-то особенно быстро наращивала скорость. Шестьдесят три километра в час, восемьдесят девять, сто семь – стрелка непреклонно

ползла по циферблату вверх. Сразу вспоминаются юношеские истории о лежащих стрелках на отметке в сто восемьдесят и искренние восхищения в глазах собеседников. Особый пацанский шик. Никто и никогда не мог усомниться в истинности предлагаемых обстоятельств, веря, как говорится, на слово. Заканчивались байки одинаково задорно под звон граненых стаканов и женских бедер.

До перекрестка метров триста. Зеленый свет замигал, сменившись волнительно желтым, затем запрещающий красный. На дороге никого. Я проскочу. Иштван прибавил газа. Рассудок, казалось, полностью его покинул от нескончаемой выработки адреналина. Ведущему катастрофически нужен такой поступок. Казалось, вот сейчас он сделает, что-то хулиганское и все изменится. Забудется весь тот сюр, происходивший с ним последние часы. Произойдет обнуление. А после можно начать новую жизнь, с отметки, когда ты на полном ходу проскочил перекресток. Сто пятьдесят метров. Самое страшное происходит в последний момент. Жуткая рефлексия. Будь то сдача экзамена, желание уволиться или прыжок с тарзанки в пропасть. Любое решение, взвешенное или принятое на эмоциях, подсознательно критикуется нашим вторым я. Его еще называют здравым смыслом. Когда остается последний шаг для завершения начатого – именно тогда проверяется человек. Его бесстрашие, упертость, отказ плыть по течению. Дойти до конца – истинная проверка, выявляющая в нас синдром победителя. Но, как показывает практика, вовремя остановиться – не значит проиграть.

Через двадцать девять метров светофор. Красный по-прежнему горит, запрещая всякое движение вперед. Редкие автомобили пересекают полосу перпендикулярно, не догадываясь, что сейчас на перекресток ворвется автомобиль с отчаянным водителем. Или в тот момент никого на дороге не окажется, и опасный для жизни маневр, так и останется незамеченным. Мы никогда не можем знать наперед, когда за авансцену выходит мужчина с тростью, в стильном смокинге и черном цилиндре на голове, именуя себя случаем. Везет сильнейшим? Определенно нет. Кристина. Мысль пронзила разбитую голову Иштвана. Раскат грома, среди ясного неба. Молния, попавшая в высоковольтные провода. Пятно горчицы на белой рубашке от обеденного хот-дога. Поглощенный самобичеванием, парень совсем забыл о девушке, молящей его о помощи. Второй раз за вечер Иштван чувствовал себя полнейшим мудаком. Я подвел ее. Ведущий со всей силы вдавил педаль тормоза.

Тойота не ожидала резкого маневра. Сработавшая система абээс тщетно пыталась зацепиться за ледяную корку асфальта, буквально вгрызаясь в поверхность. Машина неуправляемо болталась по проезжей части, то хватая бровку, то вновь выныривая из плена. Иштван дернул руль в противоположную сторону заноса – никаких изменений. Автомобиль, казалось, оторвался от земли, словно маленький катер на озере – и продолжал плыть по накатанной колее. Его несло на огромной скорости на перекресток, где в любую секунду может выскочить автомобиль. И главное, Иштван этого больше не хотел. Совсем. Ни себе, никому другому вокруг доказывать, что у него есть яйца. Ему жизненно необходимо остановиться. Прямо сейчас. Любым способом. Совершая глупый поступок, мы соглашаемся с любыми последствиями, порой крайне невыгодными, лишь бы остановить происходящее. Моральные терзания, материальные расходы или иные. Неважно. Остановить время, вернуться в прошлое, исчезнуть – первые мысли, которые выдает наш мозг. Иштван относился к своему автомобилю с глубокой нежностью, как к живому человеку, ласково называя девичьим именем Алена. Быть может именно потому, что машинка никогда не подводила, порой в самых сложных ситуациях. Так и сейчас, кружась по снежному накату, тойота медленно сбрасывала скорость, постепенно замедляясь. Ее вращения становились менее амплитудными и устрашающими, словно большой железный спиннер завершал свое выступление.

В метре от перекрестка автомобиль остановился, развернувшись к встречным автомобилям крышкой багажника, под углом в сорок пять градусов. Ведущий выдохнул. Вух, ничего не произошло. Вовремя. Через секунду по перекрестку пронесся самосвал, перпендикулярно

направлению машины ведущего, груженный кубами строительного щебня. В сантиметрах от корпуса автомобиля. Водитель затянул протяжный сигнальный гудок, сообщая об опасности попадаться ему на пути. Он точно не смог бы остановиться. Если бы Иштван в последний момент не нажал педаль тормоза? Если бы не смог вовремя одуматься? Если бы, да ка бы – разговоры в пользу бедных. История не терпит сослагательного наклонения. Ведущий остался жив, практически трезв – весь дурман уничтожил адреналин, готовый снова жить. И теперь, выкурив тонкую сигарету трясущимися руками, он набирал телефонный номер абонента. Полтора гудка и на другом конце послышался нежный, чуть взволнованный голос:

– Я думала, ты уже не позвонишь.

– Прости, только проснулся. Слишком бурная ночь.

– Понимаю. У меня тут. Эм, неприятности, можно и так сказать – сломался дверной замок. Поможешь высвободить принцессу из плена хрущевки?

– Серьезно? Ведущий почувствовал облегчение.

– Кристина, я боялся, что ситуация намного хуже. Конечно, уже мчу к тебе. Скидывай адрес.

– Ты чудо. Очень тебя жду. Ты голоден?

Последнюю фразу ведущий уже не воспринимал. Счастье захлестнуло все его сознание. Иногда, лучше дважды подумать перед тем, как предпринять очередную хрень. Везет сильнее-шим? Определенно нет. Везет тем, кто совершенно точно способен думать.

Глава 8. Сон на нейтральной территории.

И все подобные занозы, похожи позднему возгласу, что так несерьезно поздно. Оставим в прошлом нервные допросы – допустим, что свою историю отпустим. И ту главу, что исписали вместе, закончим жирным междометием.

– Я здесь. Сто пятнадцатая квартира. Иштван несколько раз дернул ручку, хотя прекрасно знал, что дверь не откроется. Пресловутое русское – а вдруг. Придется перейти к варварскому, но, безусловно, более эффективному методу. Парень достал несколько отверток разных размеров, автомобильный домкрат и перчатки. Металлический кожух закрывал сердцевину замка двумя шурупами, скрывая внутренности от посторонних глаз. После демонтажа шурупов ручка расхлябалась, как праздничное желе, но стойко продолжала сопротивление. Отодвинув кожух в сторону и протиснув отвертку в сердцевину, ведущий ударил по пластиковому наконечнику домкратом. Звонкая рябь разлилась по подъезду. Еще удар. Замок значительно углубился в дверь. Затем еще два точных попадания. Лязг металлического замка и дверных ручек, вывалившихся в коридор. Дверь триумфально отворилась.

– Ты мой герой. Я уже хотела звонить Шойгу, но твой номер был первым. Кристина обвела руки вокруг его шеи, образовав замок. Тебя ждет награда, мой бородатый спаситель. Она нежно смотрела в его глаза своим преданным, почти щенячьим взглядом. Ее черный топик на голое тело и короткие джинсовые шорты выглядели чертовски сексуально. Расстояние между их телами стало значительно меньше, чем просвет приоры и асфальта с горного Кавказа. Она его поцеловала. В щеку. В знак благодарности. Настолько откровенно, как могут только женщины, влюбленные в вас безмерно. Такими поцелуями они намекают о своем расположении, но в то же время, не заявляя открыто о своих чувствах. И тут, как в голливудском боевике, нужно перерезать единственно правильный провод. Скорее всего, красный. – Ай, колючий. Проходи на кухню. Налево по коридору.

Квартира типичной хрущевской планировки. Огромный коридор, маленькая спальня, зал и коридор поменьше, где базировались раздельный санузел и кухня. Все очень компактно. Зачем делать нежилое пространство больших размеров в сравнении с другими, непонятно. Проектировщик, видимо, жутко боялся столкнуться с кем-то в прихожей.

– Крестин, можно мне в ванну?

– Конечно. Сейчас дам чистое полотенце.

– Да не нужно. Не успел договорить, как девушка уже внимательно разглядывала запекшуюся кровь на лбу. В тусклом освещении подъезда Кристина не заметила багровые ссадины.

– Что за новости такие? Нужно обработать.

– Да все в порядке.

– Ничего не знаю. Умывайся и на кухню. Живо.

Пришлось подчиниться. Иштван разулся, снял перчатки и, бросив инструмент на коврик, направился в ванную. Ослепительно белый кафель, внушительных размеров зеркало с подсветкой и несметное количество баночек. Рай для дистрибьютера косметики. Девчачье богатство. Приданное, заполняющее твою холостяцкую берлогу, ежели решился на серьезные отношения. Ведущий открыл кран. Струя холодной воды падала на руки, окрашивая раковину в грязно бурый цвет. Затем, намывлив руки жидким мылом со вкусом мятной дыни, несколько раз умылся. Рассечение хорошее. Размером шесть на три с половиной сантиметра. Аккуратно промокнув рану, ведущий погасил свет. Глупая привычка. Всюду выключать освещение, чтобы затем пробираться сквозь мрак комнат. Тотальная экономия.

Кристина настроилась решительно. На кухне ведущего ожидала настоящая мобильная медицинская лаборатория. Куча таблеток, ватных тампонов, жидкостей, бинтов, мазей, странных железных приборов о спецификации которых парень даже побаивался спрашивать. При желании, здесь возможна хирургическая операция по удалению аппендикса. Девочки любят заботиться. Но еще сильнее обожают лечить. Кто-то придумывать и увливать, но в большинстве своем – испытывают страсть к медицинским процедурам.

– Весь набор, мне? Я же не ноги лишился.

– Молчать. Я все сделаю сама.

– Кристин, я бы не хотел торопить события, но, если ты настаиваешь. Ведущий начал имитировать неловкий стриптиз.

– Дурында.

Девушка подошла к ведущему вплотную, обхватив нежными руками его голову. Опять этот восхитительный аромат духов. Кажется, зеленых яблок Донны. Закинув челку назад и недовольно закатывая глаза – травма же почти смертельна, она удалила запекшуюся кровь ватным диском. Затем, промочила вату перекисью и прислонила ко лбу. Рана зашипела.

– Вот видишь, сколько там грязи. А если бы попала в кровь?

– Не драматизируй. Мне еще рановато умирать.

– Что у тебя случилось?

– Сначала ты.

Кристина воодушевилась. Ей необходимо выговориться, ибо держать в себе свои женские переживания больше не хватало сил. И почему то, она желала рассказать именно ведущему.

– Мы окончательно с Марком разругались. Он забрал вещи и ушел, не знаю куда. Да и не желаю знать. Он закрыл меня, забрал ключи и испарился. Мудак. Фу, таким быть.

– А вы разве встречались?

Иштван очень удивился и не ожидал, что два партнера по танцам могут быть партнерами в жизни. Они совсем друг другу не подходят. Надменный нарцисс и хрупкая нежность. Ревнивый пижон и волшебный цветок, чарующий своими изгибами тела. Теперь становилось ясно, откуда столько взаимных претензий и частых выяснений отношений в кулисах. Видимо, они дошли до того состояния, когда в человеке раздражает абсолютно все. И каждый желает доказать собственную правоту и важность, а компромисс сроднен военной капитуляции.

– Я очень удивилась, когда ты меня обнял – там в ресторане. Еще думаю, вот же сумасшедший, при живом то парне зажимает.

Да, вышло глупо. Все-таки, нужно смотреть иногда чуть дальше, чем сквозь длину собственного носа. Девушка продолжала колдовать над головой ведущего. Ее взгляд становился по особенному пытливым, будто она совершает нечто сверхъестественное. Как минимум – спасает жизнь. И прикусывая нижнюю губу, Кристина окончила врачевание, залатав рану рыжим пластырем.

– Теперь как новенький. Снова сможешь охмурять своих официанток.

– Ну точно, никого я не охмуряю.

– Да ладно, я же вижу, как они на тебя смотрят, бедные. С ума сходят.

– А ты нет?

– А я приготовила нам ужин. Поможешь с духовкой?

Убрав больницу в шкаф, Кристина принялась накрывать на стол. В духовке томилась запеченная рулька в медово-горчичном соусе, в кастрюле выпаренный пророщенный рис с овощами, а на закуску – салат из свежих овощей, рукколы и пармезана. Живот сладостно заурчал. Ведущий совсем забыл, что ел около суток назад. Заменив суточную норму питательных веществ алкогольными калориями.

– Тебе белое или красное?

– Я же за рулем.

– Ну что ты, в самом деле, останешься у меня. Я сутки ни с кем не общалась. Пообсуждаем мероприятия. Заказчики – такие сволочи.

Вечер перестает быть томным. Откупорив бутылку, пара приступила к трапезе. Пожалуй, они обсудили за этот вечер все, что только могут обсудить молодые люди в стадии флирта. От внешней политики страны, фестивалей короткометражных фильмов и заканчивая примерами неудачного секса. Кристина звонко смеялась шуткам ведущего, постоянно дополняя, что у ее знакомой был похожий случай. Приятный румянец на щеках выдавал ее расположенность к партнеру, хоть и иногда, она смущенно отводила взгляд при очередном услышанном комплименте.

– И после выкупа, невеста сказала, что не будет жить с мужем, пока свекровь не переедет в другой город? Так не может быть, ты обманываешь меня. Кристина вновь залилась оглушительным смехом. Иштван продолжил:

– Бывают очень странные молодожены. Не понятно, как они вообще встретили друг друга? И главное, зачем продолжают мучиться. от безысходности? Ладно, проехали. Я давно хотел у тебя спросить.

Тут Кристина встрепенулась, ожидая серьезного разговора. Женщины обожают, когда все серьезно и по-настоящему. Пара давно переместилась из кухни в зал, где находилась кровать. Хотя квартира располагала еще одной комнатой, больше подходящей под спальню:

– Почему ты здесь спишь?

– Я уж понадеялась, что станешь признаваться мне в любви. Кристина вновь игриво заулыбалась.

– Там нет места, даже в углу постоять. Я же не лошадь, чтобы спать стоя. Пойдем, покажу.

Девушка не соврала. Комната буквально завалена мешками с одеждой, коробками и обувью. По всему периметру стояли хромированные трубки на стойках, на которых висели спортивные костюмы. В центре, среди пряжи, ткани и блесток, находился маленький столик со швейной машинкой.

– Здесь моя отдушина. Мастерская, где исчезают все негативные мысли. Тут я придумываю новые образы, шью платья, подбираю обувь под конкретное выступление. А вон там, большая коробка, видишь? Там четыре килограмма страз. Однажды, я целую неделю их пришивала к бальной пачке, ради трех минут выступления в кабаке. Тут мне спокойно. И, кстати, мужикам сюда вход воспрещен. Ты первый, кому я показала. После Марка, конечно. Кристина опустила глаза, будто извинялась за тот факт, что находилась в отношениях.

– Целая комната под платья? Сильно.

– Ну, я же девочка. Мне нужно быть красивой. Пойдем спать, я жутко вымоталась.

Первая неловкая совместная ночевка. Она задает тон всему дальнейшему развитию отношений пары. И неважно, переспите вы сейчас, позже или никогда. Здесь история не про секс вовсе. На передний план выходит проверка совместимости – химии, запахов и теплоты тел. Бесконтрольная забота, что ли. В конце концов, комфортно ли вам уснуть в объятиях друг друга и нет ли желания отпилить себе затекшую руку тупой ножовкой. Тут каждая мелочь, как допустим, открытая на ночь форточка, способна отвернуть вас друг от друга и никогда не возвращаться. Тем более, когда мужчина находится в позиции гостя. Иштван занервничал. Ему еще не приходилось ночевать с девушкой после расставания с любимой женщиной. Полугодовое целомудрие привело к полной потере навыков пикапа. Он флиртовать толком то не научился, не говоря уже о том, чтобы кого – то соблазнить и бросить в койку. Да и стреляющий исподлобья, как бы невзначай, сексуальный взгляд никогда не был его сильной стороной. Пока Кристина в душе, нужно быстро раздеться. А раздеться полностью или оставить вверх? Но ты же не будешь спать в рубашке, как идиот. Да и просить футболку совсем не выход, как малолетняя, стеснительная девочка. Хорошо, что сексуальные кальсоны остались дома. Так, она скоро вернется.

Парень разделся в той части комнаты, где был стол. Пиджак повесил на спинку стула, рядом сложил рубашку и брюки. Аккуратно. Стрелка к стрелке, манжет к манжете, а носки спрятал под одежду, дабы ликвидировать улики. Затем, нырнул в кровать, плотно укрывшись одеялом таким способом, чтобы руки находились сверху. Увидев такую картину, воспитатель детского сада точно бы им гордился. Оставшееся время ведущий таращился в потолок, вслушиваясь в звуки скользящей воды по эмали ванны и стопа закрывающегося смесителя. Каждый мужик в мире будет вести себя так же интеллигентно глупо, находясь на ее территории или все-таки девушка ему не безразлична? Вопросов больше, чем ответов. Кристина вернулась в комнату. Между ее абсолютной наготой и ведущим оставалось лишь желтое полотенце с птицами, еле достающее до попы. С черных, как уголь волос, падали капельки воды на хрупкие плечи, скатываясь по шелковистому телу. Невероятно красивое зрелище. Быть может, одной из причин мужской любви к женщинам и являются такие моменты. Порой, совсем незначительны, но вызывающие в нас стойкую зависимость. Запах мокрых после душа волос. Когда она, вся такая чистая и благоухающая, сопит спиной к тебе, держась за твой бицепс. А ты вдыхаешь свежий аромат ее волос, дающий тебе прохладу от невысушенных капель. Естественно, на утро ты просыпаешься с пучком прядей во рту, задыхаясь и кашляя. Но разве есть в жизни что-то постоянно прекрасное?

– Отвернись, мне нужно одеться. С типичной для нее ухмылкой, попросила Кристина. Зачем предпринимать действие, если через недолгий промежуток времени будешь совершать обратное? Еще одна женская загадка. Быть может, она желает сразить наповал новым комплектом белья, купленным по случаю праздников? Ведущий повернулся на бок, уставившись на промежуток между гладильной доской, стоявшей в углу и очередной коробкой с неразобранными вещами. Все-таки, русский человек всегда готов к непредвиденному переезду. Потому и не распаковывает все вещи до конца. Никогда.

Кристина легла рядом, просунув правую руку под подушку и прижав ее головой. Обернувшись, ведущий повторил ее маневр, наблюдая за ее красивым личиком. Все тот же милый, добрый взгляд. Так они пролежали несколько минут в полной тишине, любясь друг другом. Он в трусах и под одеялом, она в серой пижаме на пуговицах. Иштван поправил ее свалившуюся на лицо челку, заведя концы прядей за ухо. У него возникло непреодолимое желание ее поцеловать. Настолько сильное, что совладать с ним не представлялось возможным. Будто прочитав мысли, девушка прильнула ближе. Переводя взгляд с глаз на губы, она чувственно вознаградила его поцелуем. Жарким и горячим. Ведущий ответил взаимностью. Она томно задыхалась, не в силах противостоять нахлынувшей страсти. Девушка желала Иштвана каждой своей клеточкой. Порой, слова настолько не информативны, пока ты способен читать язык тела. Он никогда не обманет, не утаит, не скажет о головных болях после тяжелого рабочего дня.

– Давай остановимся? Я не хочу испортить прекрасный вечер банальной случкой.

– Конечно.

Ведущий сгорал от нетерпения насладиться ее телом, но слова вырвались сами собой, не оставляя ему шанса на продолжение.

– Мы не будем делать то, чего тебе не хочется.

– Спасибо, мне так хорошо с тобой.

– Мне тоже. Спокойной ночи.

Девушка отвернулась, прижав его руку к груди. Иштван подождал, пока она уснет, и аккуратно, как сапер на задании, высвободился из плена. Какие-то совсем новые эмоции посетили его. Романтический ужин, поцелуи, деликатный отказ в продолжении. Необычно. Но не отсутствие секса беспокоило его. Наконец-то закончился день, полный бессмысленных переживаний. И теперь, лежа в одной постели с прекрасной девушкой, он по-настоящему счастлив. От

того, что в жизни появилось спокойствие. Иштван его чувствовал, постепенно проваливаясь в долгожданный сон.

На следующее утро Иштван проснулся в бодром расположении духа. Выспался. Кристины в постели не оказалось, а из кухни доносился пряный аромат сырников и сваренного кофе.

– Доброе утро, соня. Не хотела тебя будить, опаздываю жутко. Сегодня открываю зал, две детские группы и куча сумасшедших родителей. Жуть. Позавтракай обязательно. Ключи на серванте, если тебе нужно ехать. Если нет, то отдыхай и думай обо мне. Вечером принесу что-нибудь вкусненькое.

Поцеловав в губы, девушка спешно засобиралась, впопыхах роняя вещи в коридоре. Дверь захлопнулась, а из подъезда доносилось глухое цоканье каблучков, постепенно теряясь в глубинах этажей. Иштван потянулся и протяжно зевнув, побрел на кухню. На столе стояла глубокая чаша, накрытая блюдцем, доверху заполненная жареными сырниками. Ненавижу сырники. Наполнив скатан ароматным кофе, он закурил в открытую форточку. Чем занять себя сегодня? Важных дел не находилось, да и после предновогодней недели у ведущих наступал заслуженный отпуск. Делай, что хочешь, ожидая череду новых праздников. Оправданное лентяйство. И как нельзя кстати – на нижней полке холодильника оставалась бутылка полусладкого. Превосходно. Я пропускаю этот день.

Глава 9. Сырники жалоб и предложений.

Слушай, давай может договоримся? Ты более перестаешь мне ночами снится, а та встреча у твоего дома парковки – ошибка. Или как там правильно сливать отношения?

Кристина пришла около одиннадцати вечера. Уставшая, злая, вымученная. Но все равно довольная собой от проделанной работы. Она прекрасно понимала, какой это труд – учить деток балету, когда согласилась вести группы. Совсем еще маленьких ребятишек обрекать на тяжелейшую работу, бесконечные тренировки, травмы и горечи обид от поражений, только лишь, обещая мизерный шанс стать кому-то из них действительно великими артистами. Ее детство безжалостно украли родительские амбиции, теперь же, она сама выступает в роли посредника между поколениями. Кристина всегда утешала себя тем, что лучше уж именно она, чемпион Европы и сертифицированный тренер-педагог, будет учить их со всей своей любовью, чем сомнительные мастера дискотечного бита. Боковая связка ноги вновь загудела, напоминая о старой травме и скорому визиту к мануальщику. Девушка прошла по квартире. В зале аккуратно застелена постель, на кухне мытая посуда, убранная по своим местам. Естественно, кухонная утварь располагалась иначе, чем обычно, но и такая мужская инициатива крайне приятна. Мусор тоже исчез, как и энзе винного отдела. И главное, она не сразу обратила внимание, что замок вновь функционирует. Открывает и закрывает жилище. Великолепно.

И вновь, наступила одинокая тишина, пугающая танцовщицу последние несколько дней. Необоснованная тревожность охватила ее. Она обратила свой взгляд на стол. Сырники стояли на том же месте, как оставила утром, накрытые блюдцем. Может, не успел. Кристина отодвинула тарелку, заменив блюдо большой неаполитанской пиццей. Откупорив бутылку сухого, она наполнила бокал наполовину, расправилась с тягучим пармезаном, тесно связывающим куски между собой и с наслаждением, вытянула ноги на кушетке.

– Иштван, ты скоро?

На другом конце провода звучала громкая музыка, съедая потоки информации. Ведущий говорил, но разобрать хоть сколько-нибудь внятного ответа не получалось. По голосу слышно, что он изрядно пьян и находится среди компании женщин.

– Тебя ждать или нет? В ответ лишь громкий бас колонок. И что-то похожее на перезвоню.

Кристина оборвала звонок. Вдруг, ей сделалось невыносимо обидно. За себя, за него, за их будущее. Ведущий, на мгновение, подарил ей такую нужную стабильность. Уверенность завтрашнего дня. Показал, какими могут стать ее вечера – счастливыми и безмятежными, согретые нежными объятьями после выматывающего трудового дня. И сейчас, одним своим решением, по сути – безобидной пьянкой, он разрушил тот хрупкий баланс, только зарождавшийся в девичьем сердце. Кристина от обиды пнула ножку стола. Икеевская мебель сдержала удар, затем накренилась, и медленно свалилась на пол, стягивая за собой содержимое. Девушка поставила пустой бокал на подоконник и, прихватив с собой бутылку, направилась в зал. Накрывшись пледом и не раздеваясь – она уснула. Под фон телевизионной передачи и в компании сотен кошек, устроивших на душе скребущие игры.

11:07 утра, за двенадцать часов до возвращения Кристины домой.

Иштван любил новогодние каникулы больше, чем празднование тридцать первого декабря. Время, когда на целую неделю возвращаешься в детство. Тебе не нужно идти на работу, учебу и прочие обязанности растворяются в мерцании гирлянд. Запах смолянистой ели, купленной отцом на центральном рынке и заботливо поставленной в ведро с песком, чтобы

дерево простояло как можно дольше. Знакомый набор фильмов по телевизору, пересмотренных в тысячный раз, но все также вызывающих приятную ностальгию. На столе – остатки праздничной курицы, запеченной в духовке, пюре и вкуснейший мамин салат. Дополненный, кстати, каждый раз новым ингредиентом. Сладостная забота и уют дома, где тебя всегда любят и ждут. Просто потому, что ты есть.

Вино быстро закончилось. Иштван нацедил последний бокал, домывая посуду и прибираясь в зале. Кристине будет приятно. Он давно понял, что мелкая помощь по дому – залог хорошего настроения партнерши. Да и ведущий всегда был за равенство полов, когда встает бытовой вопрос. Готовка, уборка, стирка не должна всецело ложиться на плечи женщины, тем более, когда у мужчины есть свободное время и не много алкоголя в крови. Безусловно, есть гендерные вопросы, которые мужчине решить сподручнее. Например, как ремонт дверного замка, трагически павшего от ударов отвертки. Нужно заказать новый. Ведущий открыл предложения на рынке услуг по ремонту. Его интересовало только два вопроса. Возможно ли оплатить кредиткой и сколько нужно добавить, чтобы мастер привез бутылочку вискаря, сигарет и что-нибудь пожрать. Мужик попался сочувствующий, не понаслышке знающий о важности продолжения банкета. Договорились на дополнительную тысячу рублей. Через тридцать минут в двери красовался новый замок под тот же комплект ключей, а ирландский односолодовый предлагал закрепить ремонтные работы.

Социум страшится принятия алкоголя в одиночестве, считая, сей момент первой ласточкой на пути алкоголизма. Да прям такого, что в будущем приведет к обязательному ежедневному пьянству, обрекая на скатывание по социальной лестнице и потери человеческого облика. Возможно, и так, но пока ты чувствуешь ответственность перед самим собой и близкими людьми, то страх очутиться на дне – притупляется. Уж лучше выпить раз в неделю бутылочку хорошего алкоголя одному, чем каждый вечер заканчивать пенным в малоприятной компании. Зависимость приходит от пустоты в душе, сердце и прочем отсутствии всякого другого выхода заполнить бездну, разрастающуюся в человеке. Иштван не любил демагогию по вопросу – как на Руси пить хорошо? Он пил, когда хотел и отказывался от шумных вечеринок в дни трезвости. Без всякого угрызения совести и моральных терзаний. Как и сейчас, в приподнятом настроении, ведущий смаковал свое одиночество, листая ленты социальных сетей.

Пришло новое уведомление. На видео Никита, со всей своей непосредственностью, отчитывал Иштвана:

– Если ты сейчас же не приедешь в кабак, то я тебя прокляну. У меня и цыганка знакомая есть. У нее, кстати, третий размер. И подружка в наличии. Тебе ровно час на сборы. Время пошло.

Отказываться не было смысла, тем более ведущий успел выполнить все домашние дела. Почему он не может провести несколько часов с другом, а потом вернуться, пока Кристина на работе? Да и торчать в пустой квартире, да еще и в праздники, являлось полнейшим безумием.

– У меня нет свежей рубашки. Третий день ходить в том, что потеряло всякую презентабельность ведущий не мог.

– Старик, я куплю тебе все рубашки мира, ты только приезжай, а? Хочешь, я сниму ее с Анжелы, а она лично тебя переоденет?

– Звучит заманчиво. Кто такая Анжела?

– Узнаешь. Она, конечно, по мне сохнет, но я замолвлю за тебя словечко.

Ведущий вызвал такси и уже через двенадцать минут ехал по заснеженным улочкам города, в самый его центр, где продолжался новогодний кутеж. Свернув с улицы Комсомольской в прилегающий переулок, машина остановилась возле бара Авеню. Пожелав хорошего вечера, таксист засобирался к очередному клиенту, а ведущий направился к центральному входу. Мерцающая вывеска слегка гудела от напряжения в узком дворике, добавляя месту аутентичности. С улицы могло показаться, что заведение не пользуется спросом, однако,

только открыв двери, все сомнения улечиваются. Бар полный под завязку. Красные лампы по периметру освещали кожаные диваны, огражденные друг от друга высокими спинками. По центру – большой танцпол, на котором нет свободного места и овальной формы бар. Взмахом руки, Никита обозначил нужный столик, жестом приглашая присоединиться.

– Йоу, чувак, как же я рад тебя видеть.

Никита полез обниматься, дружественно похлопывая его ладонями по спине. Он был навеселе.

– Позволь представить тебе наших очаровательных дам. Моника. У нее очень скверный характер, однако размер ее видимых преимуществ гораздо обширней.

Действительно, третий размер гордо выпирал из-под откровенного платья так, что был виден еще со входа. Два надувных батута для веселых, слегка оплаченных валютой, игр. Рядом с ней сидела девочка по имени Анжела. Друг сообщил, что она очень сильно мечтает найти себе богатого папочку. Но пока так и не вылечилась от хламидий после прошлого бурного романа. Охотно верится. Девушки дружно заржали, улыбаясь и заискивающе хлопая ресницами. Всем своим видом показывая, что они не против подобным шуткам. Иштван не любил таких женщин – глупых и пустых, вечно ошивающихся по заведениям в поисках денежных мешков. Дамы, безусловно, эффектные и могут дать достойную конкуренцию красивейшим девочкам города, но по факту – омерзительно меркантильные. Как говорится – без души. Но в нынешней ситуации, как раз типаж блудниц подходил как нельзя лучше. Для красивого, не напрягающего фона.

– Перед вами, мой друг и по совместительству, лучшая тамада этого гребанного города, Иштван. Попрошу любить и ублажать по первому требованию.

Девочки невпопад зааплодировали. И вновь, как и минутой ранее, были довольные от сальной шуточки, уровня последней страницы газетных анекдотов.

– Сейчас, я прошу нас извинить, нам необходимо решить один очень важный вопрос. Мы скоро вернемся, не скучайте.

Никита жадно поцеловал Моника в шею, она засияла, томно отпивая коктейль через трубочку. Анжела не сводила с Иштвана глаз, выказывая явную визуальную заинтересованность, лишь изредка отвлекаясь на экран смартфона. Парни отправились в приватную комнату.

– Никита, что с их именами? Ладно, Анжела, но Моника?

Никита засмеялся в голос, шурша в углу подарочным пакетом. Затем, вопросительно связвил:

– Где ты видел стрипух с другими именами? Ну не Зина и Нина, же? Я сегодня точно одну сделаю. А может и двух, если будешь тупить.

– Лучше дай мне переодеться, извращуга.

Никита протянул вешалку, на которой висела белоснежная хлопковая рубашка Джорджи Армани, стоимостью около тридцати трех тысяч рублей.

– Ты охренел? Она стоит дороже моего костюма. А также туфель, трусов и прически вместе взятых.

– Брат, это мои извинения за инцидент в ресторане. Я знаю, что тебе не заплатили – моя вина. Мы решим вопрос, не сомневайся. Есть компромат – бомба на всю их семейку. Поддельные счета, черная бухгалтерия, подкуп должностных лиц. Короче, широкий профиль. И вообще, скоро настанут новые времена, мы с Денисом сорвали, мать его, джек-пот. Компания Инсомния заключила гос. контракт на проведения всех городских мероприятий, представляешь? Абсолютно всех. Мы станем единственными на ивент рынке в городе. И я тебя приглашаю в команду. Будем как раньше, разносить в цепки рок-эн-роллом. Что скажешь?

– Теперь уже я охренел. Я в теме, без вопросов.

– Не сомневался в тебе. Теперь осталась лишь формальность – подписать договор.

На его вытянутой ладони лежала пластиковая карта с четырьмя белыми дорожками порошка. Они искрились белоснежными сугробами, когда, едва заметив, непременно хочется слепить из них что-нибудь причудливое:

– Ты не рано ли включил босса?

– Чувак, мы же делаем людям праздник. Как настоящие селебы шоуубиза. Нам сам бог велел сидеть на коксе.

– Я после прошлого раза еле встал, какой там сидеть.

– Тут другой приход, тебе понравится.

Иштвану действительно понравилось. Через пластиковую трубочку он носом вдохнул наркотик, по одной дорожке на каждую ноздрю. Приятное жжение, где-то внутри переносицы. Ощущение, что от вдоха, кокаин пробрался напрямик в мозг, а те крупички, которым не хватило ускорения, горстями попадали в слизистую рта. Ведущий проглотил образовавшуюся слюну. Горько. Будто Иштван перенесся на свадебный банкет, а брат жениха по маминей линии принялся скандировать мерзкое наречие, подсчитывая секунды поцелуя молодых. Только теперь тот вымышленный мужчина считал время до наступления прихода.

– Красавчик, пойдем в зал.

Никита, приобнял друга за плечо. Ему нравилось, что он разделяет его уголовно-наказуемые деяния. В компании всегда веселее. Парни вернулись за стол. Анжела тут же пересела на противоположный диван, рядом с ведущим, пожирая его глазами. Порошок отравил нейронные цепочки, вызывая сильнейшее сексуальное влечение – Иштван ее захотел. Прямо здесь и сейчас. Всех остальных женщин будто стерли из его головы. Девушка подвинулась ближе и, улыбнувшись, потянулась к его губам. Ведущий выказал согласие. Стриптизерша залезла на парня сверху и жадно всасывала остатки кокаина с его верхней губы и усов. Ему это нравилось. Чувствовать ее влечение, пусть даже и к белому порошку возле его ноздрей, да и какой смысл разбираться?

– Полегче, голубки. За столом же дети.

Никита укорительно показал в сторону Моника – ей вряд ли исполнилось больше восемнадцати, и компания дружно засмеялась. Официант сменил поднос с коктейлями, парни произнесли тост о великой дружбе и, обнявшись, осушили содержимое стаканов. В воздухе витала эйфория. Казалось, ничего важнее момента здесь и сейчас, никогда больше не произойдет. Счастливая музыка, друзья, улыбки – все чувствовалось гипертрофированно остро. Иштвану хотелось насладиться каждой проведенной секундой в баре. Пропустить через себя потоки вселенной и навсегда оставить в памяти. Сердце бешено стучало в ритме личного техно, разнося по кровеносным сосудам – бесконечное счастье. А рядом – сексуальное тело, желающее только его одного. Он герой ее романа, победитель и завоеватель ее мыслей. И сегодня, ведущий добудет трофей, принадлежащий ему по праву. Завибрировал телефон. Парень выгнул спину, и не отрываясь от жарких поцелуев с Анжелой, старался добраться до кармана брюк. Справившись с заданием, он взглянул на экран. Твою же мать. Правой рукой ведущий смахнул девушку с себя так, что та завалилась в угол дивана, левой – что есть сил вдавил телефон к уху. Ничего не разобрать, слишком громкая музыка.

– Кристин, я тебя не слышу. Напиши.

Ведущий надеялся перекричать очередной повтор бессмертной композиции – новый год к нам мчится. В тот же момент парня подхватили стрипухи, Никита и гости с соседних столиков, ибо настало время танцевального локомотива. Бар объединился во всеобщем помешательстве, кружась под знакомые каждому мотивы и оттого, дающие невероятный заряд энергии. Танцы напоминали неумелый обряд экзорцизма, где в центре круга корячился в приступах очередной смельчак, поощренный толпой по краям. Считалось особым долгом переплюнуть участника, выделявшегося до тебя, так что все старались двигаться эксклюзивно. Очередь

дошла до Иштвана. Кокаиновый хореограф скомандовал – давай. Покажи уровень, а через час поедешь домой.

04:13. Кристина всегда вставала среди ночи, когда спала одна. Привычка зародилась в далеком детстве. После очередных кошмаров, совсем маленькая девочка прибежала в комнату к маме, чтобы ее успокоили и пожалели, да так и засыпала на руках до утра. Так что, став взрослой, Кристина очень ценила такой деликатный момент, как обмен объятиями. Особо никого к себе не подпускала, а если уж не могла идти против сердца – то обязательно попадался очередной мудака на горизонте. В постели, в мыслях, в жизни. Последние полтора года с Марком выдались действительно тяжелыми. Он бил, унижал, изменял – да только все сходило ему с рук. После каждой новой ссоры Кристина первой шла на уступки, не осознавая, что творит. Паталогическая ложь тянула магнитом, словно жизнь протекала под гипнозом. Но, как и после любого сеанса, пусть даже самого захватывающего, наступает просветление.

Телефон обидно пустовал, молчаливо прячась за темным экраном. Ни смски, ни пропущенного звонка от Иштвана. Ничего. Не сказать, чтобы объяснение своей пропажи являлось обязательной программой, но хотя бы сообщить о своих намерениях, можно? Неожиданный, беспричинный игнор. Бесит. Кристина заварила травяной чай с имбирем, и укрывшись пледом, удобно разместилась на кухонном полу. Ей безумно захотелось есть. Большая часть кусков пиццы осталась на паркете, после падения стола и Кристине не оставалось ничего другого, как есть прямо с пола. Холодные, затвердевшие, прилипшие куски с сухой корочкой. Восхитительно. Ей думалось, что вкуснее пиццы она никогда не пробовала. Наверное, снова пмс. Еще и завтра опять на работу. Зачем я живу? Все-таки, как хорошо жилось в детстве. В маминой кровати, под ее большим пуховым одеялом.

05:16. После пяти часов непрерывного рейва сознание постепенно возвращалось. Его, пьяного и вымотанного, тащила по коридору Анжела. Похоже, они двигались в номер дешевого отеля, рядом с Авеню. Опираясь плечом на стенку, Иштван проводил пальцем по узору обоевого бордюра, не выпуская бутылку из руки. Девушка поддерживала его за талию, перекинув левую руку себе через шею. Писк электронного замка. Большая кровать. Голые женские сиськи. Картинки то появлялись, то исчезали, путая рассудок. Спустя некоторое время ведения закончились, и ведущий провалился в царство Морфея.

09:22. Сообщения/Исходящие: Я уже на работе, если тебе, конечно, интересно.

09:37. Сообщения/Исходящие: Ты не хочешь мне ничего сказать?

09:49. Сообщения/Исходящие: Что происходит?

Письма отправились по оптоволоконным кабелям, преодолевая километры земельных траншей и каждое из них дошло до адресата. Совершенно точно и в срок. Но так и остались лежать в виртуальной памяти без всякого ответа.

10:03. Снова жесткое пробуждение. Если бы парню сказали в юности, что похмелье с возрастом становится болезненней, то ведущий лишний раз подумал, а стоит ли вообще начинать? Быть может игра совсем не стоит свеч. Да и та крутость, к которой так тянулась молодежь, с остервенением употребляя коктейли в жестяных банках, не стоит и выеденного яйца. Но, как известно, режимность и системность бывают не только в спорте. На краю кровати сидела Анжела, спиной к нему, натягивая чулки на длиннющие ноги. Ее остеохондроз выпирал двумя острыми позвонками спинного отдела, на которых тут же сошлись крючки бюстгалтера. Она смешно шмыгала носом, всякий раз поправляя падавшие на лицо завитые волосы. Иштван потянул одеяло вверх. Голый. Значит, у нас был секс. Интересное кино.

– Ничего не было.

Прочитав мысли ведущего, поспешила парировать Анжела. При свете солнечного дня она уже не казалась такой привлекательной. Ее впалые глаза и опухшее лицо декларировали возраст далеко за тридцать, в отличие от заявленных восемнадцать с хвостиком. Она продолжала сокрушаться, натягивая платье на тощие бедра.

– Ты может быть и лучший ведущий, но как мужчина – абсолютный ноль. У меня реально первый раз так. А я, поверь, многое повидала.

Иштван попытался сгладить углы. Ему не доставляло обиды сказанное, скорее даже веселили охи и причитания стареющей стриптизерши.

– Я бы на твоём месте не козырял количеством мужчин. Прости, я был в отключке. Совсем ничего не помню. Где мы?

– Ты хотел сказать, где ты! Потому что я больше ни минуты не собираюсь здесь оставаться. Всего хорошего, мальчик с пальчик.

Бросив многозначительный взгляд, Анжела удалилась, шатаясь на своих высоких стрипушных сапогах. Спонтанный секс между незнакомыми людьми не является чем-то предосудительным, после чего вы обязаны получить порцию народного порицания. Отводить глаза от еще пару часов назад желанного партнера, предлагая ему взамен – стыдливое молчание. Но когда ваши ожидания не оправдались, от слова совсем, тут просто необходимо дать волю чувствам. Бросить колкость, сравнение, обсудить антропологию. Любые средства хороши. В том числе и контрацепции. Но чего делать совершенно не нужно – обижаться. Позиция слаба во всех направлениях.

Ограбив отельный мини бар на три банки пива тайгер, ведущий засобирался. Вещи валялись по разным углам номера, ковер задран, а мебель перевернута. Со стороны могло показаться, что вчера здесь проходила отчаянная борьба или чего хуже – похищение, но никак не акт любви двух молодых сердец. Если бы, по какой то трагической случайности, Иштвана нашли бы мертвым, то ему бы очень хотелось услышать доводы криминалистов. И скажут вот потеха. Он сдох от проститутки – пропел Иштван, имитируя игру на гитаре. Хорошая песня, нужно переслушать. Где чертовый правый носок?

12:47. Время обеда. Кристина без сил рухнула на цветной кресло-мешок. Ей хотелось сдохнуть. Скорей всего уже в прямом значении слова. Разбалованные дети носились по залу, жутко шумя и корча рожицы в зеркалах. Мальчики бросались ковриками для йоги в девочек. Девочки нещадно мутузили оппонентов пакетами со сменкой. Девятый круг ада Данте в детской интерпретации. Почему он еще не позвонил? Что я сделала не так? Стандартные вопросы к себе, куда мужик пропал и не высказывает больше своего восхищения. Чем он занят? Наверное, нашел себе новую танцовщицу, да моложе и красивее. Неужели отказ от секса так повлиял на его отношение ко мне?

Кристина не думала, что отдаться на первом, пусть и фантастически душевном свидании, идея стоящая. Безусловно, ее манило к ведущему особой силой и, образовавшаяся химия еще долго не давала уснуть, пока он не отвернулся к стенке. Но разве воспитанность девушки, ее чистота и условная непорочность не стоит того, чтобы чуточку подождать? Все-таки, мужчины и женщины не просто с разных планет – с разных миров. И мы никогда не сможем понять друг друга, пока не начнем разговаривать. Открыто, без стеснения и ужимок.

Танцовщица громко ударила несколько раз в ладоши, призывая молодняк к порядку. Дети гурьбой рассыпались возле, образуя полукруг. Она могла хоть сто тысяч раз злиться, быть в плохом настроении и всячески переживать личные трудности, но все забывается, когда на тебя увлеченно смотрят тридцать пар детских глаз. Таких невинных, неопытных, честных, готовых поглощать каждое твое сказанное слово. Она поделила ребятишек на пары, и, в очередной раз, проверив телефон, начала новое занятие. С ними спокойно. Дети чувствуют хороших людей. И никогда не предадут.

21:34. Иштван стоял возле двери, не решаясь сделать шаг. Долго, всякий раз туша сигарету об перила и закуривая снова. Ему чертовски стыдно за себя, за свой необдуманный проступок. Невыносимо. Кристина не достойна наплевательского отношения, тем более факт, пусть и не конца завершенной измены, на лицо. Хотя лишь мысль о сексе с другой женщиной приравнивается к высшей мере наказания. Ему никто не давал права размениваться чувствами

другого человека. Сделать ей больно своей глупейшей, сиюминутной похотью. Она все поймет, как только на меня посмотрит. По глазам. Они не обманут.

Мужчины привыкли держать все под контролем. Даже в таких деликатных случаях, как измены своим спутницам. Уверенность в собственной грандиозности путать следы, придумывать легенды и логически менять показания, пьянит и вводит в заблуждение. Уверовав в свою безнаказанность, мужа и их братья, забывают о том, что женщины чувствуют подвох. Каким-то мистическим способом. И пусть вы белый и триста раз пушистый, настанет время, когда вам на бумаге выкатят доказательства вашей неверности. Вплоть по минутам. С аудио и видео фиксацией.

Ведущий не хотел становиться одним из них. Предателем, пересказывающим за ужином очередной анекдот из комедии клуба, будто ничего не произошло. Да и каким-то странным способом все так быстро закрутилось. Резкая семейная идиллия. Вечерние разговоры, фильмы и совместный сон. Еще вчера он страдал по своей любимой, не уважающей в нем ничего мужского, но так подло застрывшей в его мыслях. А сегодня, ведущий придумывает слова для оправданий своих ночных загулов, чтобы сохранить толком не начавшиеся отношения. Еще и стрипуха. Парень рад бы повернуть стрелки часов назад, когда он ликовал починенному замку, ожидая прихода Кристины. Вот только не факт, чтобы он смог отказаться от поездки в Авеню, спешно запрыгивая в желтое такси.

Будь, что будет. Ведущий бросил смятую сигаретную пачку, провернул два оборота ключом и, шаркая ногами о коврик, зашел в квартиру. Никого. На часах половина десятого вечера. Может и к лучшему. Вся его решительность и смелость улетучилась, ведь теперь остается нервно ждать, пока Кристина вернется с работы. Как в детстве, тревожно смотреть на часы, пока родители на школьном собрании. И вылизывать квартиру до блеска, в надежде смягчить неотвратимое наказание. Быть может, детские воспоминания подействовали или ведущий действительно решил напоследок сделать что-то полезное, но Иштван принялся убираться. Настолько тщательно, как никогда в жизни. Он починил рухнувший стол, помыл полы, прибил новую гардину и вновь, как и вчерашним днем, вынес мусор. Лживая, пьяная, изменяющая хозяйюшка.

На улице к нему пришла мысль, о которой он в последствие пожалеет, но в тот момент, ничто не могло удержать ведущего. Будто снизошло просветление на последнего грешника, среди бетонных блоков пятиэтажек. Кристина не моя женщина. Совсем не похожа на нее. Ни одной, близко похожей черты, по которым он до сих пор сходит с ума. Значит, он никому и ничего не должен. Только лишь быть честным перед своим сердцем. Выкинув мешки в уличный бак, парень посмотрел на свою машину, густо припорошенную снегом на парковке. Снова ехать в пьяном виде не вариант. Потом как-нибудь, заберу.

22:51. Она буквально бежала домой, загребая снег ботинками. Ветер неприятно обжигал щеки, а морозец окрасил кончик носа красным. Кристина не обращала внимания на погоду. Она должна как можно скорее добраться и удостовериться, что все на своих местах, как раньше. Иштван ждет ее с работы, придумав очередные смешные истории и уже прогрузив новый фильм, который девушка, почему-то не смотрела. Она приготовит ужин на скорую руку и усядется напротив него, поджав ноги и облокотившись на плечо. А потом, страстно целуясь и не изнемогая от желания, они займутся лучшим сексом в их жизни. Подходя к подъезду, поглощенная собственными мыслями, Кристина подняла голову вверх. На кухне, в ее собственной квартире – горит свет.

– Малыш, как же я рада, что ты дома. Мой хороший, я так соскучилась.

Кристина захлопнула входную дверь и не раздеваясь, вбежала в обуви на кухню. Стол вновь стоял на четырех опорах, с новой стеленной скатертью, взятой из шкафа. А на столе, в подносе из итальянского сервиза, лежали засохшие, сморщенные, дурно пахнущие сырники.

Он ушел, позабыв выключить свет. Всего на всего. Девушка, истерически рыдая, сползала по стенке на пол, закрывая лицо руками.

Прошла неделя. Танцовщица ежедневно собиралась на работу, открывая зал для детских групп. Она с головой влилась в процесс обучения и казалось, что ничего более ее не волнует. Только лишь улыбки маленьких ребятишек, старательно тянувших носок и получавших слова одобрения. Единственное, что могло ее выбить из преподавательской колеи – возвращение домой. Теперь сей процесс доводил до боязни и трясущихся коленок, гранича с безумным желанием поскорее очутиться возле подъезда. Там стояла серая тойота, ежедневно обраставшая большим сугробом. Снег добрался до крыши, обрекая на неподвижную зимовку, пока не настанут первые весенние дни. Кристина десятками минут озиралась по сторонам, желая разглядеть в редких прохожих своего Иштвана, и не находя, возвращалась в квартиру. Слепая надежда.

Вдруг, он выйдет из поворота, уставший и недовольный выпавшим снегом, а я его обниму и скажу:

– Не злись, дурашка. Я за лопатой, ты только дождись. Мы вмиг освободим автомобиль из плена. Обещаю.

Только никто из прохожих не шел девушке навстречу, предпочитая скрываться в глубине двора и не обращать никакого на нее внимания. Так продолжался довольно долгий период времени. В один из дней, выходя на улицу, Кристина увидела огромные снежные куски, разбросанные по проезжей дороге. Вокруг никого не находилось, а на парковке, вместо знакомого автомобиля – лишь черная промозглая земля, похожая на большую дыру. Такую же безжизненную, как в ее девичьем сердце. Значит, теперь Иштван ее навсегда покинул. История их отношений закончилась так же стремительно, как и началась – с одного случайного порыва.

Глава 10. Залечь на дно в поселке “Снегири”.

*А я оказывается, тебе что-то должна, правда? Сразу броситься к ногам, снять накопления сберегательные, слушать ах***тельные истории внимательно. И сопереживать тем или иным способом. Даже если ничего не просишь, то следует идти мне на амбразуру подвыгом. Такова моя натура и твоя мужская логика?*

Прошло около полугода после новогодних событий, когда Иштван в последний раз виделся с Кристиной. Он четко для себя решил больше не попадаться в капкан нежного омута, пока в его сердце находится другая. Да и ведущему откровенно не до серьезных отношений – впереди его ожидали воистину грандиозные события. Близилась школьные выпускные, а за ними, первый свадебный сезон. Иштван серьезно волновался, считая свадьбу – мероприятием повышенной сложности. Здесь ты можешь всего лишь одним необдуманном словом перечеркнуть свою карьеру, испортив главный праздник в жизни семейной пары. А если что-то пойдет не так, то по старой русской традиции, можно получить и физический фитбэк – по лицу и ребрам. Чего крайне не хотелось.

Денис, институтский приятель и генеральный директор Инсомнии, по своему обычаю был угрюм и неразговорчив. Уткнувшись в монитор макбука, он переводил цифры в прибыль, а прибыль в стратегическое развитие ивент-компании. После подписания гос. контрактов на проведение общегородских мероприятий парень практически не спал, все свободное время посвящая сметам. Составление, корректировки, утверждения. Иногда, после пятичасового молчания, Денис мог неожиданно выкрикнуть, куда-то в потолок: – Ах ты, сучья дочь, ослабить галстук на шее и выйти из кабинета. Спонтанная агрессия означала разочарование. Значит, в смете есть дыры, а прибыль от мероприятия составляет чуть меньше, чем ничего. Он не мог позволить агентству работать в минус, но и отказаться от очередной городской уборки с выступлением ансамбля песни и пляски тоже не представлялось возможным. Единственным выходом в сложившейся ситуации – закрывать провальными с финансовой точки зрения мероприятия коммерческими. Свадьбами, юбилеями, корпоративами. С большими бюджетами и дешевыми ведущими, коих на рынке кишело в избытке.

Иштван уважал Дениса за его организованность и умение во всем находить выгоду. Пусть и через прогулку по головам, но парень всегда добивался поставленной цели. Но сблизиться с ним так же, как с Никитой, не получилось, хотя ничего плохого между ними не произошло. Не сошлись эмоциональными волнами. Единственное, чего больше всего обижало ведущего – недоверие со стороны приятеля. Денис всегда оставлял вести самые топовые проекты себе, Никите, ведущим со стороны и всякому другому, предлагая Иштвану посиделки по случаю юбилея дорогого дедушки, выкупы и аниматорство. Да, самое дно ивент бизнеса, в котором ведущий бултыхался маленькой рыбёшкой, заплывшей в опасный океан. Иштван терпел и верил, что настанут времена, когда он заявит о себе во всеуслышание.

– Нужно поговорить, есть заказ для тебя.

Без эмоционально произнес Денис, по обыкновению отодвинув от себя кипу банковских счетов.

– Сделаем в лучшем виде. Какая дата?

– Послезавтра. Свадьба. В деревне.

От таких событийных сочетаний Иштван чуть не свалился со стула. Желание отработать свою первую свадьбу одному являлось чем-то особенным, нежели работать в паре с Денисом, где он все вел сам, оставляя ведущему лишь редкие выкрики – за любовь и горько. Не веду-

щий, а веселенький крикун. Но выезд за пределы города, да еще и в деревню – задача казалась непосильной. Честно говоря, Иштван не был готов взять на себя ответственность.

– Я больше не знаю, кого туда отправить. Сам бы поехал, но у меня встреча в администрации завтра.

Триста километров на север, в поселок городского типа, окруженного непроходимыми лесами. Бескрайняя тайга, да дорога русская – два фактора, сдерживающих население от массовой миграции. Как-то страшновато лезть в чужой монастырь. Нарушать их привычный, деревенский, свадебный уклад модными конкурсами с экраном. Но профессиональное тщеславие заглушало страх, а будущий звон монет ласкал воображение.

– Если согласишься, я буду тебе очень признателен. Обсудим твоё повышение.

– А программа? Что мне говорить?

– Бери мою. С тобой поедет мой диджей Макс, помнишь? Он подскажет в случае чего.

На следующий день Макс ожидал ведущего на железнодорожном вокзале. Парень двадцати восьми лет, густо забитый татуировками. При виде его, бабушки крестились, а полицейские внимательно изучали ориентировки, в надежде, что именно он окажется серийным маньяком, скрывающимся от правосудия. Макс же, обожал повышенное внимание к своей личности, подогревая интерес различными выходками. Свой протест он начал лет с двенадцати, когда увлекся электронной музыкой, сэмплированием и пирсингом. Парень хорошо разбирался в настройках аппаратуры и обеспечивал высокий уровень технического обеспечения мероприятия, так что работать с ним одно удовольствие.

– Зацени свежак.

Макс повернулся спиной и задрал футболку. Три ее четверти занимал черный паук с ядовито красным брюхом. Паучьи мохнатые лапы тянулись к лопаткам, заставляя невольно содрогнуться.

– Жестко. У тебя есть хоть сантиметр чистой кожи?

– К сожалению, да, но скоро я исправлю недочет.

Поспешил посоветовать диджей, то ли покачивая бедрами, то ли вовсе болтая причинным местом. Разбираться, где именно произошел пропуск в натальной живописи ведущему не хотелось, так что парни торопливо двинулись в сторону путей.

Романтизм железных дорог всегда восхищал. Из всех доступных видов транспорта, ведущий более всего ценил железнодорожный. Во-первых, ему жутко нравился запах креозота. Маслянистая жидкость, получаемая из каменноугольного дегтя и служащая шпалам защитой от гниения. Во-вторых, бесподобный и ни с чем неповторимый стук колес вагона, проезжающих по рельсовому стыку. Ту дух – ту дух. Убаюкивающая мелодия путешествий. В-третьих, прекрасные детские воспоминания, когда Иштван ехал с родителями к бабушке на море. Что может быть волнительнее? Когда ребенок повзрослел, его отправляли на поезде одного, и те поездки становились самым увлекательным приключением. Победоносное преодоление расстояний полководцем выдуманной страны с целью захватить как можно больше земель. Воспоминания – важная составляющая, формирующая в нас личность. От того, какими они будут, приятными или не очень, зависит наше дальнейшее восприятие мира. У ведущего их хватало в избытке.

Проводница проверила билеты, указав на плакатные места в середине вагона. Загрузив аппаратуру в тесный тамбур и, поочередно растащив свои пожитки через вагон, вызывая крайнюю заинтересованность среди пассажиров, парни расположились возле окна. Впереди десять часов пути, делать особо нечего. Иштван решил осмотреться. Большинство мест занимали вахтовики, мотавшие месячные сроки в условиях крайнего севера. Прокладка газопровода, строительство мостов и дорог, возведение сооружений федерального значения – любое направление с лихвой закрывалось руками простых мужиков. Среди них, естественно, находились прорабы, мастера участков и инженеры-геодезисты, но мужчины держались чуть обособ-

ленно от остальных. Какая никакая, а начальническая власть. Рабочие мгновенно облачились в домашние штаны, майки и ровным строем маршировали в сторону бойлера – титана. Да-да, к агрегату, напротив купе проводника, отвечающий за горячий дощик в руках пассажиров.

Водонагреватель до сих пор, как и двумя веками ранее, топился на дровах, только теперь дерево заменили прессованными угольными брикетами. И это в двадцать первом веке, когда космос освоен, теслы мчатся по дорогам, а порно реальность не такая уж и виртуальная. Хотя, однажды произошел случай, доказавший целесообразность технологии прошлого. Поезд сошел с рельс из-за мощного снежного сибирского бурана, и угольные титаны в каждом вагоне поддерживали тепло, пока ожидалась помощь, тем самым спасли сотни жизней. Сейчас же, водонагреватель спасал мужиков от неминуемого голода, заваривая очередную порцию лапши. Острая, говяжья, куриная, с грибами и специями – вагон наполнялся удушливым ароматом химии, перемешанный с запахом носков. Остальные счастливики, кто успел вернуться на свои места с запаренной добычей, откупоривали бутылки с водкой и нарезали закуску. Первый день вахты непременно нужно отметить, иначе утвержденные сроки сдачи объектов будут посланы. Милые мужские суеверия.

Ведущий протиснулся сквозь очередь к мавзолейному бойлеру, и, постучавшись, открыл купе проводницы. В стране всюду бушевал антитабачный закон, запрещающий всякие вольности в общественных местах и поездах дальнего следования. Но, как и всякий запрет в России, возможно обойти ценой договоренности с властью имеющими. В поездах, безусловно, главными считают себя бойкие проводницы, совмещающие свои профессиональные обязанности с навыками прямых продаж.

– Два лотерейный билета и тапочки. И хоть закуришь, мой сладкий. Прошептала проводница в синей юбке и белой блузе, просвечивая черным узорным бюстгальтером. На вид ей около сорока, но дама пока не растеряла своих сексуальных флюид и привлекательных форм. Чем, собственно, и пользовалась. Отчитав назначенную сумму, Иштван забрал ржд бонусы, и улыбнувшись женщине, вышел в тамбур. Напоследок проводница отвесила ему жирный воздушный поцелуй. Билеты оказались просроченными, а тапочки не по размеру, но главное, что появился вольный билет на курение. Все-таки десять часов без никотина для зависимого человека невыносимо долго. В зарешеченном окне, хвойные леса сменялись пшеничными полями, горными хребтами и одинокими деревушками с каменными печами. Здесь – далеко от технологичного урбана. Люди спокойно доживают свои дни, обустроивая ветхое хозяйство, с годами покосившееся на одну сторону, и всячески наслаждаются природой, до сих пор так и не тронутой разрушительной силой цивилизации. У них не становилось выбора, где и когда родиться, быть может, другой жизни они и не представляют себе вовсе. Только познавший всю красоту России – ее вкусный туман, свежесть горных речек и запах стогов с сеном, способен полюбить свою Родину.

Иштван вернулся в плацкартное купе. Макс презентовал сюрприз – домашнюю настойку на клюкве, заботливо приготовленная тестем в прошлом месяце. Парни накапали по стопочке, и, чокнувшись, опрокинули содержимое. За будущий успех мероприятия. Иштвана чуть трюсило от первого его в жизни командировочного выезда, и так кстати, что сладостная теплота настойки быстро обволокла его организм. Парни повторили еще по пятьдесят. Вспомнились случаи из жизни, с которыми непременно хотелось поделиться. С каждой новой рюмкой истории становились все смешнее и красочнее, а женщины в них – буквально раскрепощенные горячие нимфы. Допив бутылку, душа просила добавки, но как резонно заметили парни – завтра ответственный день, лучше хорошенько выспаться. Тем более, что поезд прибывает ночью и когда там они заселятся в гостиницу – непонятно. На том и разошлись.

– Поезд прибывает к станции Снегири через восемнадцать минут. Стоянка полторы. Сдаем белье, быстренько.

Проводница рапортовала привычный текст, вызубренный за годы работы до состояния личного отвращения. Иштван подскочил с кровати, растормошил ди-джея и одеваясь на скорую руку, побежал в тамбур, напяливая по пути второй ботинок. Крайне вредная привычка, которую парень никак не мог бросить – первая утренняя сигарета. Все вместе взятые блага мира и близко не смогут сравниться с затяжкой никотина после сна. Сладостная, чуть дурманящая голову, зараза. Если люди, дымящие от случая к случаю, могут противостоять пагубной традиции утра, то ведущий не был способен сопротивляться. Вообще. Лютая стужа, адовая жара и прочие катаклизмы не могли притупить желание позавтракать дымом. Так же, как и в тот день, когда его любимая пассия назло скурила последнюю сигарету, и парню пришлось топтать четыре километра до магазина. Злым и нервным.

Поезд подъезжал к поселку. Снегири – типичное провинциальное поселение, коих в России великое множество. В советское время градообразующим предприятием, обеспечивающим население работой, служил кирпичный завод. Работая на полную мощность, он обеспечивал строительными материалами весь Дальний Восток и экспортировал продукцию ближайшим соседям – Китаю и Индии. Затем произошел развал страны. Если после смены власти завод еще как-то просуществовал несколько лет, то дефолт девяносто восьмого года окончательно уничтожил производство. Закрытие предприятия спровоцировало массовый отток населения на более благоприятные территории, а те, кто остался, приживались к новым условиям. Благо, богатая экосистема тайги, рек и горных хребтов не давали людям умереть от голода. Сначала занимались собирательством – на территории произрастает большое количество редких ягод, грибов, папоротника и женьшеня. Корни последнего высоко ценятся своими удивительными целебными свойствами, используемые преимущественно в восточной народной медицине. Затем сельчане перешли на ловлю осетровых рыб для последующей продажи черной и красной икры. Естественно, никакой документации и гарантийных талонов качества. Апофеозом переориентации местного населения стала охота на медведей. Опасная профессия бывших каменщиков, милиционеров и председателей колхозов хорошо оплачивалась, ведь за медвежий жир, когти, мясо и шкуру отдавали баснословные деньги на черном рынке. Основными бизнес партнерами для снегирей – так в шутку называли местных экспортеров природного богатства, остались китайцы. Бизнесмены из поднебесной скупали весь нелегальный товар, щедро выплачивая авансы и премии. С тех пор в поселке началась новая жизнь. Сытая, ленивая и сезонная. Люди существовали сами по себе, независимо от государственных реформ, организовав внутри поселка местное самоуправление, более похожее на общину. Этаким вариантом княжества Монако с королем Валерой из суровых таежных территорий.

– Хватай колонку и усилитель. Скомандовал Макс, закинув на себя оставшуюся аппаратуру. В тамбуре стояла очередь из сходящих на станции людей, затрудняя парням выход. За полторы минуты требовалось вынести багаж, себя и мозги проводнице, подгонявшей нервных пассажиров. Прозвучал пшик электропневматических тормозов и поезд окончательно остановился. Вагоновожатая отворила железную дверь и спустила лестницу на перрон. Началась эвакуация. Пассажиры прыгивали вниз на край платформы, минуя ступеньки лестницы, а оставшиеся в тамбуре – выбрасывали сумки из поезда. Со стороны могло показаться, что в поселок прибыла группа быстрого реагирования в полном боевом обмундировании – с задачей захватить перрон. Парни поступили так же. Макс спустился с вагона, забросил сумку ноутбука через левое плечо и стал готовиться принимать аппаратуру. Послышался сигнал от машиниста – поезд начинает движение. Нужно ускоряться. Иштван взгромоздил колонку на грудь, будто пауэрлифтер, желающий поднять очередной камень на вершину постамента и приготовившись – бросил ее из движущегося вагона. Так же поступил со второй колонкой. Затем настал черед усилителя звука, стоек и сумки с проводами. Диджей еле поспевал за вагоном, принимая багаж на ходу – как волк ловил яйца, но тут же бросал на землю. Когда Иштван последним выпрыг-

нул из поезда, локомотив набрал приличную скорость, оставив ведущего в километре от места первоначальной высадки. Успели.

Отряхнувшись от привокзальной пыли, парни собрали оборудование в центре перрона. Прибывшие пассажиры рассаживались по автомобилям встречающих их друзей и родственников, скрываясь в ночной тиши. Остальные с интересом наблюдали за чужеземцами с большими черными коробками непонятого происхождения – парни явно выделялись среди местного колорита. Возле перрона компания молодых людей шумно отмечали в зеленой беседке, наверное, окончание рабочей недели. Или любой другой сельский повод. Из жигулей вопил выкрученный до максимума Нурминский под аккомпанементы криков и свиста, возле – покорно ворковали дамы с детскими колясками, употреблявшие пивчик по-македонски – с двух рук одновременно. А те дети, что постарше, отпугивали местных собак от мангала, швыряясь в них камнями с дороги. Вот такая вот, мама, папа, я – спортивная семья.

– Эй, Денис. Как добрались?

Откуда-то из темноты, появился щупленький мужчина лет тридцати в германке и потертых кроссовках. Германкой называли модный в конце девяностых годов спортивный костюм адидас с триколором Германии. Черная, красная и желтая боковые полосы на груди белоснежной олимпийки и черные вытянутые штаны. Писк моды, комфорта и пацанской мечты. Ведущий не мог поверить своим глазам – спец одежда школьных гопников дожила до наших дней. И все так же отвратительно выглядит. Поверх костюма на мужчине красовалась рыжая золотая цепь, размером с большой палец.

– Меня зовут Иштван – я ведущий свадьбы. Денис – мой начальник, должен был предупредить, что приедем именно мы.

– Мне ничего не сообщали, но может невеста в курсе.

Неловкая ситуация. Денис, как всегда, позабыл предупредить клиентов об изменениях, видимо, загруженный поиском новой прибыли. Но ведь главное, что парни приехали. И неважно кто и как называется. Мужчина переспросил:

– Так как ты говоришь, тебя зовут?

– Иштван. Ударение на первую букву.

– Еврей?

– Нет. Венгр.

Отшутился ведущий, но мужчина не оценил. Он внимательно, с особым недоверием разглядывал приезжих гостей. Затем, закинув крошки зеленого насвая из смеси табака и гашеной извести под нижнюю губу, произнес:

– Ладно, будем знакомы, венгр. Валентин – жених. Следуйте за мной.

Валентин перелез через периллу перрона и так же стремительно исчез во мраке, как и появился. Парни побрели к ступенькам, волоча музыкальный скарб за собой и, заметив темный джип ниссан террано, мигающий ближним светом – последовали к нему. Их встретил еще один спортсмен, но уже в олимпийке голубого цвета, любезно предоставив открытый багажник для погрузки вещей. Никто даже и не подумал предложить парням помощь. Но да ладно, не сахарные. В тот же момент, компания в беседке дошла до кондиции, задаваясь вечными вопросами – ты меня уважаешь или самый дерзкий что ли? Побрякивая пустыми бутылками, молодые люди с чувством, с толком, с расстановкой, принялись мутузить друг друга в лица. Кто стал катализатором агрессии разобрать было сложно, ведь участвовали в драке от мало до велика. Семейная агрессия, месиво. Весело.

До центра поселка ехали минут двадцать по объездной дороге. Жених сидел на пассажирском кресле, переключая каналы радио и пытаясь найти свободную от рекламы волну. Не представившийся водитель угрюмо вглядывался в черноту дороги, изредка бросая косяка на приезжих гостей через зеркало заднего вида. Никаких задушевных разговоров или восторженных обсуждений предстоящей свадьбы. Ничего. Звонящая, напрягающая тишина. Иштван

попытался разбавить обстановку вопросом о количестве гостей, но получил лишь отмашку. Парни переглянулись. Волнение, так быстро забытое после клюквенной настойки в поезде, накапливалось с новой силой. Какого черта они молчат? И куда нас везут? Что происходит?

Водитель остановился на перекрестке единственной улицы с редкими двухэтажными постройками из желтого камня и убедившись в отсутствии встречных автомобилей, коих не виделось за время пути, обратился к Валентину:

– Едем к Бурому?

Получив утвердительный ответ, водитель вывернул рулевую колонку. Ведущий еще сильнее напрягся, рисуя жуткие картины в своей голове. Сейчас, два мордоворота отвезут их в лес, где заставят молить о пощаде. Среди покосившихся сосен накажут рыть собственные могилы под чутким руководством огнестрельного дула. Макса застрелят первым, а ведущего будут мучительно пытаться, выбивая нужную информацию. Вот только не ясно, какими знаниями обладают парни, которые нельзя произнести без физического насилия и прочего глумления над личностью? Да и брать с них абсолютно нечего – вряд ли комплект аппаратуры да классический костюм ценнее двух загубленных человеческих жизней.

Террано свернул с единственной улицы направо и перевалившись через земляной бугор, подъехал к деревянному жилому дому. Здание выглядело угрожающе. Бурые доски выдавило от влажности наружу, подъездные карнизы покосились, явно знавшие лучшие времена. Ни одного фонаря или другого источника света, кроме фар автомобиля, освещающих таинственную сущность ветхого сооружения.

– Сегодня переночуете у моего друга. Утром вас заберем. Первый этаж и направо.

– А ключи?

– Там открыто. Мы же в деревне живем. Тут все друг друга знают. И еще. По возможности, не давайте ему пить.

Пожав на прощание руку, Валентин ловко взобрался на подножку джипа и захлопнул за собой дверь. Машина рванула с места, выбрасывая из-под колес мелкую гальку. Очень – очень странное знакомство.

– Ты вообще понимаешь, что здесь происходит?

– Не сильно. Перекурим?

Парни закурили, выдыхая дым в звездное небо. Лунный полумесяц выглядывал из-за рваной тучи, нарочито наблюдая за чужаками. От ночной прохлады становилось не уютно. Где-то рядом завывали голодные собаки, разрывая глотки в ночную пустоту.

– Ну его на хер, пойдем лучше в дом.

Диджей, бросил непотушенную сигарету в вытоптанную клумбу. Затем с надеждой добавил:

– Хуже уже точно не будет.

– Как знать.

Иштван поднялся по скрипучим ступенькам до первого этажа, по факту являвшимся вторым. Некоторые из них совсем прохудились, атакованные сыростью и коростами вонючей плесени. Постучав костяшками по двери, парни зашли в квартиру. Все тот же прелый запах, что и на лестничной клетке, ударил по ноздрям.

– Доброй ночи, мы от Валентина.

В ответ – лишь тишина, изредка прерываемая мелодичным храпом. Парни прошли в комнату. За столом посапывал мужчина, лысой головой держась за грязную скатерть. Его руки свисали вниз по швам, до самых ножек табуретки, покачиваясь от глубоких вздохов. Рядом с ним стояла непочатая бутылка водки, другая опрокинута на пол, а из пепельницы, словно змеи, струились полоски дыма. Вторая шикарная встреча меньше чем за час времени в поселке. Быть может, население настолько одичало в своей закрытости от внешнего мира, что невольным гостям кажутся дикими вполне сносные нравы и порядки? Как не крути, люди годами ничего

не видели вокруг, кроме браконьерства. А так как, русский народ в крайней степени стыдливый, то ему жизненно необходимо заглушать тонкую душевную организацию – угрюмостью и водкой. Тогда народ снова вострепнется и расцветет с полной готовностью сражаться против системы. До того момента, пока вновь не придет похмельное утро.

– И чего будем делать? Будить?

Макс неуверенно пожимал плечами, переминаясь с ноги на ногу.

– А ты что предлагаешь? Лечь спать и проснуться с ножом возле шеи и расспросами, кто мы такие? Не уверен, что он вообще помнит, как его то зовут.

– Здоровы были, гости дорогие. Мужчина поднял здоровенную ладонь вверх, по направлению к парням, не отрывая головы от стола.

– Я Коля, но все меня знают, как Бурого. И вы знайте. Водки выпьем?

– Привет, Мы Макс и хм, Денис.

Иштван решил не шокировать своим заморским именем и без того уставшего человека.

– Мы пить не будем, завтра работать. Нам бы поспать.

Последняя фраза заставила Николая приподняться. Он сначала посмотрел на ведущего, затем повернул голову в сторону диджея, выдохнул скопившийся воздух через нос и пальцами правой руки собрал возле себя три рюмки.левой рукой он отодвинулся от стола, пытаясь поймать равновесие на неустойчивой табуретке. Его взгляд был затуманен, неразборчив и казалось, что Бурый не видел ничего дальше своего сломанного носа, пытаясь схватиться за стеклянный сосуд. После неудачных попыток поймать неуловимую бутылку, он все же кое-как схватился за горлышко. И, высвободив из себя победный смех, более похожий на хрюканье довольного поросенка, откупорил сорокоградусную. Знакомым движением, явно введшимся в мышечную память, мужчина наполнил рюмки до краев, проливая часть жидкости на серую от разводов скатерть:

– Так нельзя. Обязательно нужно выпить – не по-христиански отказываться. За встречу.

Бурый чокнулся рюмкой по оставшимся двум и опрокинул стопку залпом, сильно закидывая голову назад. Целебная жидкость провалилась внутрь его большого организма, не выкачивая каких-либо побочных эффектов отторжения. Ни одна мускула не сыграла на массивном лице. Его губы – вареники, пересохшие от обезвоживания, стали наливать розовым оттенком.

Спорить бессмысленно. Иштван протянул рюмку диджею, вторую нехотя оставил у себя в руках. Держа стеклянные мензурки на уровне груди, парни молча переглянулись и, выдохнув – выпили содержимое. Мерзкая обжигающая струя с ядовитым запахом растеклась по слизистой рта и гортани. Ведущего чуть покорежило. Вспомнилось его первое знакомство с крепким алкоголем. Летние каникулы после десятого класса. Квартира одноклассницы, где собралась, казалось, половина старшеклассников школы. Подростки пили пиво и курили, сменяя друг друга на балконе, группами по пять – семь человек. Семен – парень из одиннадцатого класса, встречался с хозяйкой квартиры и всячески желал продемонстрировать свою крутость. Он украл у отца бутылку водки. Огуречная водка с салатовой наклейкой, где изображен одноименный зеленый плод в пупырышках. По запаху пойло напоминало дедушкин огуречный лосьон, используемый после бритья. В действительности, может тогда они пробовали именно лосьон, а вовсе не водку, сейчас уже трудно вспомнить. Да только после употребления сего продукта, повзрослевших детей рвало прямо с балкона вниз. Группами по пять – семь человек. Дворовые бабули истошно визжали, сидя на лавках и поджимая ноги, когда очередная порция детской рвоты лилась с высоты балкона на асфальт. Когда стало чуть полегче, Иштван пообещал себе, что никогда более не прикоснется к бутылке, как бы его не уговаривали.

– Между первой и второй.

Пробубнил Бурый, вновь наполняя стеклянные рюмки до краев. Ему, безусловно, нравился процесс выпивания со всеми традиционными обрядами и присказками. Для таких людей

нет ничего важнее, чем четкий алгоритм совершаемых действий, выученных и исполняемых годами. Беспрекословно. И поверьте, никто бы не осмелился навязать свои правила Бурому, а уж тем более, пытаться перечить. Мужчина он крепкий, жесткий, видно, что с серьезной историей за плечами. Так что компания выпила вновь, передавая по кругу домашние соленья из банки.

– Ты откуда такой расписной? Сидел?

С интересом обратился хозяин застолья к Максиму, тыча куском помидора в татуированные руки. Для криминалитета и приближенных к воровским традициям людям – натальная живопись священна. Она может рассказать о человеке намного больше, чем того хотел бы сам хозяин рисунка. И каждая такая отметина, порой даже незаметная для обычного человека точка, загнанная чернилами под кожу, способна навсегда изменить судьбу. И отношение к его персоне других, осведомленных о том или ином значении. В мире, где периметр огорожен колючей проволокой и облаянный сворой немецких овчарок – нет права на ошибку. И украшать свое тело следует с должной осторожностью.

– Не сидел – у меня художественная татуировка. Не тюремная.

– И я пока не сидел. Хотя, очень даже может быть, что сяду. Не угоден я местным. Но и приклоняться перед ними не собираюсь.

Бурый перекрестил руки, обращаясь куда-то в потолок и движением имитируя мужской агрегат. Далее, он поведал историю, произошедшую с ним в прошлом году. Парни выпили по обязательной третьей, окончательно влившись в компанию подпитого мужчины.

Глава 11. Ползунки розового цвета, заполненные наполовину.

Хочу от тебя ребенка, чтобы всю жизнь любить твою маленькую копию. Радоваться первому слову, шагам, сделанным после стольких неудач и отвечать на любые вопросы. Почему светит солнце, сколько цветов у радуги и когда можно будет смотреть мультики. Подолгу вытирать мокрые волосы малыша после вечерних купаний, а ты будешь злиться, что уже поздно, ведь утром собираться в садик. Мы не сможем без детей. Какой тогда толк в наших жизнях?

Бурый, как поговаривают в поселке, мужик правильный. На все руки мастер. Может и ремонт в доме сделать, и двигатель в машине перебрать так, что еще и обратно соберет – без оставшихся лишних деталей. Но главное – он превосходный охотник, как говорится, богом поцелованный. Лучший среди односельчан, занимающихся браконьерством в угоду китайских соседей. Бывало, другие за целый сезон не встречают медведя, а если уж случайно наткнулись, только и могут шкуру попортить. В отличие от остальных, Бурый стабильно приносил две туши за год. Одного косолапого обязательно по осени, когда животное лениво готовится к спячке и ранней весной, после продолжительной сна. Зверь становится агрессивным, буйным от голода, и не дай бог вам повстречать такого в тайге. А мужчина, специально неделями таился в землянках, чтобы напасть на след. От того и кличка – Бурый, гроза всякого медведя.

Бизнес по продаже медвежатины приносил мужчине стабильную прибыль. Огромные деньги, по сравнению с доходами других участников незаконного промысла. Банальная зависть душила нерадивых охотников, и чтобы хоть как-то откусить кусочек пирога, предложили регламентировать отстрел косолапых. Создать подобие профсоюза, в котором каждый участник обязуется вносить процент от полученных за голову зверя денег. На охоту собирались выходить отрядом – так, мол, сподручней, да и небезопасно против хищника одному. Тем более, после того случая, когда у Семеныча заклинил карабин и его задрал голодный хищник, а то, что от него осталось, хоронили в коробке из-под телевизора. А тут целая группа – можно по несколько туш валить за одну вылазку. Да только Бурый категорически не согласился. Он привык вести дела в одиночку. Охота для него – в первую очередь, таинство обряда. Проверка своих возможностей и силы духа. Кто ты есть в мире, покуда наступает момент выживания, и тогда либо ты – либо тебя. Звериное правило, установленное нашими воинственными предками. Выходить отрядной группой на убой животных не есть доказательство силы, а есть уничтожение вида. Не давая никакого шанса побороться медведю за свою жизнь.

Односельчане философию не оценили, списывая отказ на нежелание Бурым делиться. Жадность овладела их умами и началось мелкое пакостничество. То колеса автомобиля отверткой проколют, то отсыревшие патроны продадут. Да только Бурого народный гнев не мог остановить. Тертый калач. Но большее, чего совсем не могли стерпеть мужики – его отношений с женским полом. Бабы дико обожали статного мужчину. Стоило ему только с ними заговорить, как те буквально пищали от удовольствия. Четырнадцатилетние девочки, едва отошедшие от шока первых менструаций, всю обсуждали фасоны будущих свадебных платьев, да приговаривали, что пеленки довольно лучше импортных памперсов. Бурый стеснялся такого к себе внимания, терпеливо ожидая, когда встретит настоящую взаимную любовь. И такой момент настал.

Соседка по переулку, Маша, к своему совершеннолетию расцвела, налившись упругими арбузными формами. Она работала продавщицей в продуктовом магазине, куда часто захажи-

вал Бурый, готовясь к очередной вылазке в тайгу. Соль, хлеб, спички. Предметы первой необходимости Маша заботливо укладывала в целлофановый пакет, защищая от дождя и влажности, с интересом слушая очередную охотничью байку. Девушка сильно переживала, когда начинался сезон охоты, а ее мужчина покидал поселок. В те дни буквально все сыпалось из рук, а работа больше походила на каторгу еврейского народа в Египте. Абсолютное счастье же наступало, когда вдалеке, сквозь ряды жилых домов, появлялась знакомая фигура в камуфляжном костюме с винтовкой наперевес. Едва заменив мужчину, девочка мчалась в подсобку, чтобы привести себя в порядок – подкрасить губы блеском, поправить непослушную челку и густо натереть щеки пудрой.

Перед очередным таежным сбором, мужчина признался ей в любви. Слегка неожиданно, но видимая спонтанность оказалась четким взвешенным решением. Он давно этого хотел. Быть только с ней и бесконечно заботиться о своей Маше. А так как Бурый по натуре немногословен, то предложил сразу же жить вместе:

– Ты только дождись.

Шутливо произнес мужчина, уходя на охоту. Маша чуть не умерла от счастья. То, о чем она мечтала, украдкой представляя в девичьих снах, оказалось совершенной явью. Он меня любит. Как и я его. Девчонки обзавидуются. Порой, дамы склонны ставить во главе угла мнение подруг, нежели собственные ощущения, тем самым получая больший заряд эмоционального наслаждения. Я чуточку лучше вас, мои хорошие, а мой мужчина – подстать мне. Но то неожиданное признание окрылило юную особу. Девушка со всех ног бежала к подругам, чтобы поделиться сокровенной новостью. И теперь, когда она будущая жена самого завидного холостяка поселка, ее жизнь кардинально изменится, наполнившись счастьем и умиротворением.

Близкие подруги Маши, коих осталось в количестве трех со школьной скамьи, прибывали в глубочайшем смятении. С одной стороны, безусловно, они радовались за подругу. С другой – сами были не прочь захомутать Бурого, не забывая по случаю оказывать ему знаки внимания. Но все-таки, скрипя зубами, приняли женское счастье. Отметить радостное событие решили с размахом – в местной дискотеке. Другого увеселительного заведения для молодежи попросту не было. А так, как поселок был ограничен в своем человеческом ресурсе, то новость о скорейшей свадьбе пронеслась моментально. На следующий день каждая дворовая собака знала о помолвке со всеми подробностями, выдуманными из головы. Про залет, деньги и прочие небылицы. Людям иногда довольно сложно поверить, что чувства могут возникнуть без корыстного умысла. Для пущей важности, Маша надела церковное кольцо спаси и сохрани с левой руки на безымянный палец правой. Издалека – точь-в-точь обручальное.

Девочки пили шампанское, веселились и танцевали. Маша сияла от счастья – такой прекрасный вечер в компании близких. И совсем скоро, ее любимый вернется с охоты уставшим, а она, как заботливая хозяйка, будет варить ему борщи. Это ли не счастье? За своими мыслями девушка не обратила внимания, как осталась одна за столом. Подруг не оказалось и на танцполе, хотя нетленка – крошка моя манила синтезаторными звуками, заставляя всякого встрепенуться. Странно. Может вышли покурить? Маша подобрала свой клатч с дивана, и шатающейся походкой вышла на улицу – последние несколько бокалов были точно лишними. Возле входа в ДК Кирова тусовалось много молодежи, почти столько же, сколько и на дискотеке. Кто-то курил, другие выпивали, бурно обсуждая последние сплетни. Стоявшие рядом машины слепили дальним светом, а из динамиков сипел блатняк в полную мощность, да так, как не часто услышишь на концертах Бутырки. Конечно, если группа еще колесит по городам и весям. Особенно пьяный парень выплясывал странные танцы на крыше лады-2109, свистом подстегивая собравшихся зрителей. Обезьяний примат в период спаривания ведет себя галантней и спокойней, но девочкам нравилось. Они хихикали, всячески поддерживая его виртуозное фуэте. Подруг нигде нет.

Газики шампанского еще сильнее ударил в голову. Маше становилось плохо – голова кружилась, а мозжечок отказывался выполнять свои прямые обязанности, заставляя юное тело крениться к земле. Нужно идти домой. И чем быстрее, тем лучше. Девушка двинулась в сторону отчего дома, цепляя пыль с обочины, густо заросшей кустарником. На встречу попались несколько одиноких парочек, спешащих на дискотеку и редкие автомобили, отвозившие особо нагулявшихся обратно в поселок. После восьми минут ходьбы стало совсем безлюдно. Маша хорошо знала дорогу домой, поэтому страх оказаться одной не возникал. Скорее, становилось обидно от того, что девочки бросили ее в такой знаменательный день. Ну ничего, буквально еще пару километров вдоль леса, и она окажется на переулке, а за ним – родные пенаты с цветочным садом, огороженным деревянным забором. Завтра я им все выскажу, сучки дранные.

В темноте появились два луча, быстро приближающихся навстречу к девушке. Свет то пропадал из виду, то моргая на ухабах, появлялся вновь. Маша поняла, что к ней навстречу движется автомобиль. Марку машины она не разобрала, но кузов походил на серый универсал. Девушка уже видела раньше точно такой же автомобиль, припаркованный возле гастронома, где она работала. Двумя днями ранее. Когда автомобиль приблизился к девушке, на расстоянии нескольких метров – водитель сбавил скорость. Он медленно катился навстречу, пристально за ней наблюдая, а когда поравнялся – резко вдавил педаль газа, поднимая в воздух клубы грязной пыли. Платье безвозвратно испорчено. Идиот. Маше стало не по себе. Мерзкий холодок пробежал внутри всего тела. Что-то очень отпугивающее было в том автомобиле и парне, сидящим за рулем. Она ускорила шаг. Ноги не желали слушаться, норовя выскользнуть из узких туфелек на шпильке, так что девушке пришлось разуться. Вдруг, она почувствовала, как в ее спину бьет луч автомобильных фар. Девушка обернулась. Тот злобещий серый универсал, напугавший ее пару минут назад, возвращался. Теперь он двигался еще медленней, чуть прижимаясь к обочине, постепенно настигая Машу. Девушка что есть сил принялась бежать, сверкая черными пятками в ночи.

– Не бойся меня, красотка. Тебя подбросить?

Водитель дружелюбно улыбался из открытого окна, облокотив руку на дверь и двигаясь на автомобиле рядом, пока Маша пыталась наращивать темп. Но из всех стараний двигаться быстрее, получилось лишь больно подвернуть ногу.

– Спасибо, не нужно. Уже почти дома.

– Так давай хоть пару метров отвезу. Такая девочка не должна ходить одна по улице, тем более ночью.

– Я с незнакомыми парнями не езжу.

– Очень похвальное решение. Но, разве ты меня не помнишь?

Маша напрягла зрение, чтобы лучше разглядеть водителя. Темные волосы, свисавшие длинной челкой на лоб, острый подбородок, ямочки на щеках и доброе, улыбчивое лицо. Оно показалось ей знакомым. Но вот только где она могла видеть этого человека? Парень продолжил:

– Ай-я-яй. Стыдно не узнавать своих одноклассников. Я Андрей. Мы с тобой на географии за одной партией сидели. В шестом классе, помнишь?

– Наверное.

Маше стало стыдно признаваться в том, что она не может вспомнить человека, учившегося с ней в одном классе. Пусть даже прошло уже столько лет. Хотя, какого-то мальчишку по имени Андрей она припоминала. Правда, после седьмого класса его родители вместе с сыном переехали в город, а девушка продолжила жить и учиться в поселке.

– Кашубов Андрей? Ты еще постоянно просил у меня карандаши и потом не возвращал.

Последний факт девушка выдумала, списывая на то, что все мальчишки так делают в школе. Маше совсем не хотелось обижать человека своей нетактичностью и дырявой памятью, предложившего ей помощь.

– Ну, наконец, то вспомнила. Садись, одноклассница. И прости за платье.

Маша порядком устала идти пешком, к тому же новые туфли успели натереть ноги еще до того, как она их сняла. Она чуть-чуть посомневалась, и, обогнув автомобиль неуверенной походкой, села на переднее пассажирское сиденье. Машина тронулась. Печка обдувала приятной теплотой, заставляя тело понежиться от неожиданного комфорта. Нынешнее лето выдалось не жарким, а ночью откровенно холодало. Она вновь посмотрела на Андрея. Сейчас он не казался ей опасным. Почему она тогда почувствовала тревогу, шагая по проселочной дороге? Вполне себе хороший парень с дурацким платком на лице, которым он плотно закрыл дыхательные пути, как только девушка села в машину. Наверное, всему виной ее девичья впечатлительность. Универсал покачивался на ямах и выебонах, словно лодочка, тем самым вгоняя девушку в сон. Маша пыталась сопротивляться, но не смогла побороть внезапную сонливость. Будто на тело накинули тяжелое одеяло из сновидений – таких жарких и приятных, со сладким эфирным запахом. Из последних сил, почти уснувшая, она поделилась с попутчиком новостью, заботившей ее сознание весь сегодняшний день.

– А у меня скоро свадьба.

– Знаю, милая. Я все о тебе знаю. Не тревожься, я о тебе позабочусь.

Бурый провел в тайге без малого двадцать четыре дня. Мужчина в первую же неделю напал на след косолапого, обнаружив тайное место спячки. В яме под хвойником зверь пережидал лютые морозы, а как потеплело, двинул по течению реки вниз. Днем животное спустилось к водоему, чтобы утолить жажду, а к вечеру возвращалось в лесную чащу, пробивая лапами большие рваные просеки. Охотник хорошо изучил повадки медведя, так что погоня не обещала быть долгой. Бурому крайне необходимо вернуться домой быстрее, ведь теперь в его жизни появилась девушка, которая его ждет. Она и раньше была, но только теперь официально – со словесным признанием и первым робким поцелуем.

В один из дней, когда пришло время варить уху из свежевывловленного сазана, Бурый перебирал содержимое рюкзака. Ему никак не удавалось найти мешочек со спичками, приготовленный Машей. Обычно, мужчина складывал особо важные вещи в середину, чтобы случайно не намочить, но видимо под тяжестью походного котелка, мешочек провалился на дно. Рыская рукой по рюкзаку, он нащупал странный металлический предмет, вонзившийся в край брезентовой ткани. Сначала он подумал, что отыскал складной перочинный ножик, но высунув находку наружу – обомлел. В ладони лежала дивного вида голубая брошь с двумя серебряными розочками. Из каждого бутона распускалось по три листика с золотым напылением. Сказочная вещь, переливающаяся всеми своими гранями на таежном солнце. На обратной стороне красовалась гравировка с латинской буквой М. Бурый крепко сжал брошку в руке, лег спиной на прибрежные камни и закурил, наблюдая за потоком реки. Все-таки, как мало человеку нужно для счастья. Шикарная природа. Чистый воздух. Прекрасная Маша. Скоро я буду с тобой.

На семнадцатые сутки возле лагеря послышался звенящий шум консервных банок. Деревья трещали и крошились под тяжестью ударов невиданной силы. Вопли и рык звучали настолько громко, что казалось, в лесную чащу приземлился самолет, громыхая реактивными двигателями. Бурый выскочил из палатки, передернул затвор винтовки и стал всматриваться в ночную глушь. Чуть севернее палатки, за каменистым выступом, выглядывала звериная морда. Медведь угодил в ловушку. Наступив лапой в капкан, животное заметалось от боли и, запутавшись в стальной проволоке, обессиленно свалилось на пригорок. Медведь тяжело дышал, выдыхая огромные клубы пара из ноздрей и пасти, стараясь высвободиться из плена. Из его глаз выступали настоящие человеческие слезы. Быть сентиментальным на охоте – себе в погребель. Конечно, Бурый не желал животному страданий, но всегда выставлял ловушки возле лагеря на ночь. В целях безопасности. Если медведь нападет на спящего человека в палатке, то шансы на спасение равны нулю. А так, заслышав шум – остается возможность дотянуться до оружия и одним точным попаданием снести косолапого с ног. Сегодня, их привычные роли

поменялись. Медведь охотился за мужчиной, а Бурый должен был стать его добычей. Но один единственный выстрел из винтовки расставил все по своим привычным местам.

Подъезжая к поселку на своем джипе, Бурый достал телефон из нагрудного кармана. В тайге связи никогда не было, так что держать гаджет включенным не имело смысла. Пришло короткое смс от Маши – скучаю. На второй день после его ухода. Казалось странным, что девушка больше ничего не написала за время его отсутствия, хотя переписки не являлись чем-то первостепенным для мужчины. Главное, как она на него смотрела. Влюбленным, восторженным, мечтательным взглядом. Бурый решил приготовить сюрприз и не сообщать о своем возвращении. Лучше неожиданно ворваться к ней на работу, засыпать комплиментами и подарить огромный букет роз. Да, так определено будет романтичнее. Но сначала, необходимо выгрузить тушу медведя в холодильную камеру, иначе трехнедельный вояж останется бессмысленным. Тухлое мясо удастся продать, разве что, местному фермеру на корм свиней.

Провозившись часа два с половиной со свеживанием медвежатины, Бурый все-таки загрузил тушу в холодильник – порубил мясо на части топором и упаковал в полиэтилен. Огромная горизонтальная камера еле закрылась, оставляя просвет между створками, так что пришлось сверху положить зимнюю резину. Готово. Теперь можно заняться более приятными делами. Мужчина принял душ, сбрил трехнедельную бороду и, переодевшись в брюки и футболку, засобиравшись на свидание. На площадке шаркала бабулька – соседка по дому, пытаясь выкрутить перегоревшую лампочку.

– Привет, бабуль. Давай помогу.

– Спасибо, внучок. А то бабка старая, руки не слушаются. Боюсь, как бы не навернуться с высоты.

Бурый взобрался на табуретку и аккуратно выкрутил цоколь. Заменяв использованную лампочку на новую, мужчина вернул конструкции прежний вид. Свет озарил лестничное пространство. Бабулька возрадовалась, чавкая вставной челюстью:

– Ну, спасибо, внучок. Я бы в жизнь не смогла. Говорю деду, что темень в подъезде, ведь расшибусь на смерть. Иди меняй. Да только ему окромя бутылки, ничего не интересно. Сутками пьет, окаянный.

– Да не за что, тут минутное дело. Вам если помощь нужна, то заходите.

Бабушка подняла глаза на Бурого, внимательно осматривая мужчину. Она страдала старческим маразмом и плохо видела, но все же признала в нем соседа. Ее добродушное морщинистое лицо в одночасье сделалось испуганным:

– Коля, ты ли это? Ах, господи, какое горе, какое горе. И ведь никто же подумать не мог, что так станет.

Бабулька начала причитать, охать и креститься, болтая пальцами по воздуху. Ее еще сильнее затрясло, будто она увидела привидение, заставившее ее комично болтать седыми кудрями. Она схватила табуретку и, не отрывая ее от пола, потащила в сторону квартиры, произнося несвязные между собой отрывки из библии. Главное до такого не дожить. Уж лучше там, в тайге. Один на один со зверем. Бурый презирал старость, не желая становиться беспомощным и потерять рассудок. Обуздавший силу, познавший ее истинное предназначение, никогда не сможет от нее отказаться.

Палатка со свежими цветами находилась в метрах двадцати от дома. Там, на стихийном рынке продавали всякую всячину – от вязаных носков, резных поделок по дереву и до жестяной кровли, сворованной с соседнего коровника. Туристы в поселке – событие невиданное, поэтому продукция раскупалась местными, часто по принципу товар-товар-водка. Бартерный обмен с обязательным банкетом после. Хотя, почти у каждого дома росли цветочные сады с дикими фиалками, лютиками и незабудками, спрос на культивированные цветы был необычайно высок. Бывало, что Армен – смешной деревенский флорист со сросшимися бровями и густыми усами, за двадцать минут продавал внушительные катки с цветами, заготовленные

на целый день. Своей гордостью он считал выращенный в теплице особый вид чайной розы – мягкого оранжевого цвета с нежно-лиловым оттенком. Сегодня, торговля у армянина не шла, вызывая в душе сильные приступы досады. Бурый поприветствовал старого знакомого:

– Армен, как торговля?

– Да брат, ничего не берут, шайтаны. Как сквозь землю провалились все. Тысяча свежих стеблей пропадает. Я их, куда потом девать буду? Цветок на то и цветок – должен дариться вовремя.

– Возьму девятнадцать. Чайных. Ты только красиво упакуй, понял?

– Сделаем, брат. В лучшем виде сделаем, мамой клянусь. Давно тебя не было видно, где пропал? Опять косолапых кошмарил?

Армен отсчитал положенное количество цветов и принялся отрезать лишние веточки садовыми ножницами. Отделив заветренные листики от ствола розочек, продавец бегло выслушивал историю Бурого, мысленно гадая, какую упаковочную пленку лучше выбрать – прозрачную или с голубыми узорами. Иногда, ему все же приходилось отрываться от любимого дела, чтобы ответить на задаваемые вопросы.

– Ага, здоровенного снял – триста восемьдесят килограммов. Лебедку мне, падла, на джипе сломал, пока грузился, представляешь? Вот только что зарубил и упаковал. Ты, кстати, не знаешь, Машка на работе?

– Не брат, не знаю. Хотя, ты о какой Маше спрашиваешь? Мужчина на миг перестал вымерять кусок пленки и замер. Его армянские брови волнительно возвысились к лобным складкам, образуя косяки морских чаек, улетающих в закат.

– Армен, не тупи. Ты много Маш у нас в поселке знаешь? Иванова. Продавщица. Ты же сам у нее, усадый, коньяки берешь!

Продавец побледнел. Его лицо, прежде смуглое от солнечной Армении, превратилось в белый мел, которым обычно рисуют на асфальте всякие похабные словечки. Сглотнув образовавшуюся от волнения слюну, он поинтересовался, дабы окончательно уточнить свои догадки:

– Ты когда ушел в тайгу?

– Как всегда, двадцать первого числа. Да что со всеми вами происходит?

Бурый занервничал, ведь и бабка, и продавец вели себя странно. Говорили в невпопад и казалось, даже шарахались от одного только его вида. Может их всех разом поразил вирус идиотизма, пока мужчина охотился в тайге?

– Эх, брат, страшное происходит в мире, покуда таких людей земля носит. Конечно, ты на охоте и не знаешь всего. Да и такое представить то невозможно.

– Я тебе сейчас наверну.

Еще одного потока чуши мужчина не мог стерпеть, так что Бурый схватил продавца за грудки и занес массивный кулак над его лицом.

– Теперь объясни мне внятно, что случилось?

– Успокойся, брат. Давай я тебе еще одну розу, по-братски, в букет положу, хорошо? Для ровного счета. Бесплатно.

Яркий солнечный полдень. Легкий ветерок гоняет дорожную пыль, редкие камыши и ветки березы, на которых раскачиваются налившись цветом зеленые сережки. Полная безмятежность и тишина, поглотившая, казалось, любые посторонние звуки. Даже пролетающие мимо птицы не голосили, как обычно, лишь тихонько чирикали о своих насущных делах. Никто не желал нарушать такое хрупкое спокойствие. Кованая ограда, застолбившая пространство от дороги и до деревьев, манит свежей краской ползущую живность. Насекомые, не в силах совладать с любопытством, прыгают из травяных зарослей на железные прутья, мигмом попадая в липкий плен. Более удачливые сородичи, за неимением других вариантов помощи, в панике снуют туда и обратно, предостерегая остальных об опасности. На гранитной полке, упакованные в прозрачную пленку, лежат двадцать чайных роз, культивированных особенным

способом. Бутоны еще не до конца раскрылись, чутко оберегая свое величие от посторонних глаз. Капли утренней росы, выпавшей не так давно, рассыпались на оранжевых лепестках, словно сотни мельчайших бриллиантов. На них, с серой могильной плиты, грустно наблюдает юная девушка, едва отметившая свое совершеннолетие. Ее локоны аккуратно собраны в густую косу, свисающую через плечо на белую блузку, на которой красовалась шикарная брошка. С двумя серебряными цветками.

Маши не стало той же ночью. Она не вернулась после дискотеки в полночь, как обещала родителям, не появилась и спустя сутки. Подруги тоже ничего не знали о ее судьбе, наивно полагая, что Маша сама оставила их первой и давно отсыпается в мягкой постели. Девушку нашли на следующее утро, спустя трое суток после того, как завели дело о пропаже человека. Деревенские мальчишки, по обыкновению игравшие в догонялки, забрели в старую водонапорную башню. Там, между кирпичной кладкой и окном, выходящим на купол местной церкви, на рыбацкой веревке висела девушка. Концы были намотаны на кусок арматуры, торчащей из стены, а петля смертельной удавкой сходилась на бледной шее. Ее туфельки валялись в куче строительного мусора, вместе с сумкой и фрагментами одежды. Платье, порванное на бедрах и плечах, свисало уродливыми грязными лоскутами, а на ногах – ссадины и ушибы. Машу изнасиловал и убил человек, точнее нелюдь и лютая мразь, которого никто не запомнил. Полторы сотни человек, видевших чужой автомобиль на территории поселка и вблизи дискотеки, не смогли вспомнить номер и марку, как и описать того, кто сидел за рулем. Животная тварь накинулась на беззащитную девушку под покровом ночи и так же стремительно исчезла, оставив за собой шлейф из боли и скорби. Как не пытались люди отыскать улики, мотив или причинно-следственную связь, никаких зацепок не обнаружилось. Слепленный своей похотью, неизвестный в один момент забрал человеческую жизнь. Убил ту, которая желала жить и любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.